

Михаил БОЧКАРЁВ

МОСКВА

ПОДНЕБЕСНАЯ

@ЭЛИТА

18+

Михаил Бочкарёв
Москва Поднебесная

Электронное издательство "Аэлита"

2006

Бочкарёв М.

Москва Поднебесная / М. Бочкарёв — Электронное издательство
"Аэлита", 2006

Что случится если любое желание одного асоциального человека будет мгновенно воплощаться в жизнь? Что случится если все высшие ангелы спустятся с небес в город, где люди превращаются в настоящих свиней, рушатся телебашни, автовокзалы атакуют полчища крыс, а по улицам бродят ожившие холодильники? Что случится, если стена сознания не будет восстановлена? В этой книге насыщенной множеством персонажей и действий читатель откроет для себя новый, фантастический и гротескный мир Москвы. Мир Москвы Поднебесной...

© Бочкарёв М., 2006

© Электронное издательство
"Аэлита", 2006

Содержание

Пролог	6
Банк	7
Сумка	12
Самолёт	20
Коньяк	23
Телецентр	27
Автовокзал	30
Крыса	34
Эллада	37
Латунь	41
Нефть	45
Стела	48
Трилитр	51
Курган	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Бочкарёв

Москва Поднебесная

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

На крыше двенадцатиэтажного дома сидел угрюмый гражданин в красной кепочке и кидался монетками в проходящих внизу людей. Рядом с ним стоял двухкамерный холодильник «Samsung», который недовольно гудел и медленно покачивался из стороны в сторону при каждом метком попадании хозяина в макушку очередного прохожего. Холодильнику совсем не нравилась эта затея.

– Скоро дождь будет, – задумчиво посмотрев в небо, произнёс угрюмый гражданин.

– Угу, – прогудел в ответ холодильник и затрясся так, что в нём с полки упала бутылка кетчупа, пролив жирное красное пятно.

– Ладно, пойдём домой, – устало сказал гражданин, поднимаясь и отряхивая налипший на джинсы гудрон. – Пиво-то осталось? – спросил он, открывая холодильник. Взяв бутылочку светлого янтарного напитка, он направился к выходу, и холодильник медленно поплёлся за ним.

Дома угрюмый гражданин завалился спать, а холодильник встал на кухне на своём месте и, включившись в розетку, блаженно заурчал. Он стоял и чувствовал, как внутри него нежно растекается кетчуп, как еле заметно подрагивает в хрустальной розетке клубничное желе, как застывает в морозилке мясо, покрываясь белым хрустящим инеем, и эти чувства доставляли ему неопишное блаженство. Он задремал и не заметил, как в окно впорхнул белоснежный ангел, спасаясь от начинающегося дождя.

На кухонном столе лежал плеер. Ангел подлетел ближе, замер, не касаясь пола, надел наушники, и плеер включился сам собой. Дитя неба присел на табурет и, закрыв глаза, погрузился в музыку, а в это время угрюмый гражданин, которого вообще-то звали Василий, проснулся и, зевая, пошёл на кухню курить.

– Люблю U2, – сказал ангел вошедшему Василию.

Василий пожал плечами, сел напротив и, щёлкнув зажигалкой, закурил.

«Работу, что ли, найти?», – подумал он и вздохнул.

– А может, что-то поинтереснее? – сказал ангел. – Давай лучше возьмём банк! (Или сказал сам Василий, но ему почудилось, будто слова произнёс крылатый гость.)

– А что это изменит? – ответил он то ли необыкновенному собеседнику, то ли себе.

– Это будет началом, – улыбнулся ангел.

– Ограбление? Я на это не пойду, – испуганно затрещал холодильник, очнувшись от дрёмы.

– А ты не бойся, мы тебя вооружим. Встанешь на входе, вот и вся работа. А потом, кто ж подумает, что холодильник может банк ограбить, это же абсурд, бред какой-то, – успокоил его ангел.

– Действительно, бред, – подтвердил Василий.

– Значит, завтра я за вами зайду, – улыбнулось белокрылое создание и выпорхнуло в окно.

Банк

Возле банка оживлённо толпились пенсионеры. Кто-то хотел получить пенсию, кто-то заплатить за квартиру, кто-то снять со счёта тысячку-другую, дабы подкупить лекарственных средств, а кто-то просто торчал здесь из солидарности к собратьям – незащищённой социальной прослойке. Престарелые граждане обсуждали насущные проблемы. Поносили власть, молодёжь, коммунальщиков, и вообще всех тех, из-за кого жизнь их не сложилась удачно.

Первым протиснулся в толпу пенсионеров холодильник «Samsung». Его сразу заметила старушка в красном плаще. Надо сказать, что женщина ничуть не удивилась, увидев на улице дорогостоящую домашнюю технику без присмотра. За всю свою долгую, полную событий жизнь, приходилось ей видеть и куда более странные и необъяснимые вещи.

Нервно озираясь по сторонам, предприимчивая пенсионерка начала деловито прикидывать, как бы поместить его на кухне. Кухонька была маленькая, но старушка твёрдо уверилась: войдёт!

– Чей холодильник-то? – завопила она, подозрительно косясь на сограждан.

Никто не отозвался.

«Значит, мой!», – радостно решила находящаяся на гособеспечении, и уже хотела подцепить его клюкой для надёжности, как вдруг дверца холодильника открылась, и ей прямо в нос уставилось дуло автомата.

Старушка ахнула и, попятившись, выронила клюку. И когда клюка коснулась земли и задребезжала, привлекая удивлённые взгляды толпы, гулкий голос, доносящийся из глубины чуда охладительной техники, угрожающе произнёс:

– А ну, вали отседова! Старая потаскуха!

Через секунду возле банка не было ни старушки в красном плаще, ни остальных пенсионеров.

– Начинаем! – скомандовал ангел и влетел в помещение банка. За ним вошёл Василий с огнетушителем в руках, а холодильник остался у входа, заслонив проход.

– Спокойно, господа, это ограбление! – громко прокричал ангел, пролетая над ошеломлёнными людьми. – Пожалуйста, сложите деньги в этот мешок! Убедительнейше прошу: не пытайтесь помешать нам. У вас всё равно не получится!..

Одна дамочка вздумала было закричать от испуга, но Василий незамедлительно окатил её противопожарной пеной, отчего она сразу закрыла рот наманикюренными пальчиками и тихо проскулила:

– Мама...

Охранник, пузатый мужчина лет сорока, увидев небесное создание, решившееся на грабёж, отрыл изумлённо рот и медленно полез за табельным ТТ, но, когда он расстегнул кобуру и намеревался выхватить оружие, дабы усмирить распоясавшихся наглецов, пистолет, словно взбесившаяся лягушка, выпрыгнул из своей кожаной колыбели и исчез за высоким металлическим стеллажом, став недоступным. Поражённый таким трюком, охранник остался сидеть на стульчике, и дальнейшие события наблюдал как зритель, впервые попавший на спектакль.

Ангел подлетел к работнику банка в белой рубашке и, сунув ему в руку полиэтиленовый мешок, скомандовал:

– Живо!

С молодого перепуганного работника текли капельки пота, в которых, если присмотреться, можно было увидеть висящего справа от него ангела, слегка, будто по струнам, перебирающего крыльями насыщенный пылинками воздух.

Довольно быстро мешок наполнился деньгами, и грабители, пожелав всем удачи и долголетия, окатили сотрудников пожарной пеной и вышли на улицу.

– Я в розетку хочу! – тут же заныл холодильник.

– Будет тебе и розетка, и продуктов полное брюхо, – успокоил его Василий, – поехали скорее.

Они впрыгнули в грузовую «Газель», заранее припаркованную возле банка, и помчались в сторону аэропорта «Шереметьево-2».

Через несколько часов троица блаженствовала на тихом песчаном пляже в лучах яркого тёплого солнца. Василий, разнеженно развалившись на песке, загорал, заигрывая с местными аборигенками, холодильник стоял в тени пальмы и блаженно гудел, подключённый через удлинитель к электросети, а ангел сидел на пушистом облаке и пускал самолётики из двадцатидолларовых банкнот, которые кружились в небе и приземлялись прямёхонько на обнажённые животики загорающих красоток.

А в Москве на следующий день утренние газеты пестрели заголовками:

ВЧЕРА ХОЛОДИЛЬНИК МАРКИ «SAMSUNG», АНГЕЛ БЕЛОКРЫЛЫЙ И ОДИН НЕ УСТАНОВЛЕННЫЙ ГРАЖДАНИН В КРАСНОЙ БЕЙСБОЛКЕ И ФОРМЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ПОЖАРНЫХ ВОЙСК, СОВЕРШИЛИ ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА В РАЙОНЕ ВВЦ.

– Бред какой-то! – произнёс проходящий мимо газетного киоска гражданин Е.Н.Нистратов. Он прошёл дальше, свернул за угол и, чуть не сбитый огромной чёрной машиной, несущейся, не взирая ни на какие правила, по проспекту, упал на тротуар. Начавшийся было внутренний диалог относительно нелепого заглавия статьи прекратился, и его место заняло паническое переживание чуть не случившейся катастрофы. Перед глазами пошли круги, и померещился вдруг Нистратову в горячем городском воздухе парящий над крышами силуэт, от которого исходило неземное сияние, а в груди тревожно кольнуло. Но видение сразу пропало. Отдышавшись и немного успокоившись, Елисей Никанорович встал с раскалённого солнцем асфальта и осторожно пошёл дальше по улице, с опаской поглядывая на проезжающие мимо автомобили.

«Вот чёрт!.. – размышлял про себя Елисей. – Позавчера какая-то сволочь пьяная с балкона в меня мелочью швырялась, вчера сломался сливной бачок, зарплату задерживают опять же, и ещё чуть насмерть не задавили! Не иначе сглаз».

Погружённый в такие размышления, Елисей Нистратов брёл по улице, пока не наткнулся на красочную, висящую над дверью с диковинной металлической ручкой, вывеску-рекламу:

КОЛДУН В ПЯТОМ ПОКОЛЕНИИ

АПОСТОЛ И ЕПИСКОП ВЫСШЕЙ МАГИИ ТРЕТЬЕГО САНА

ХРАНИТЕЛЬ ТАЛИСМАНА ЕГИПЕТСКИХ ГРОБНИЦ

снятие порчи, сглаза, гадание на картах таро,

приворот, коррекция судьбы, ясновидение.

ГАРАНТИЯ – 100 %

«Вот оно!» – сразу понял Елисей Никанорович. Его словно током ударило. Отчего-то вдруг возникла в душе его уверенность, что пришёл он сюда не случайно, что здесь ему помогут, отведут от головы тёмную тучу несчастий и дадут тянущуюся в счастливое будущее нить.

Немного постояв у входа, он открыл массивную дверь и очутился в полутёмном помещении. Никакого коридора или холла с непременно ресепшном не было. Его взгляду предстал натуральный камин, в котором тускло тлели угли. На камине стояли свечи и человеческий череп, в глазницах которого дико сверкали кроваво-красные драгоценные камни. Посередине комнаты, величественно расставив дубовые львиные лапы, располагался помпезный круглый стол, а над столом в центре висел без всякой опоры огромный стеклянный шар, внутри которого плясали дьявольский танец разноцветные молнии. Шар медленно вращался.

Елисею на долю секунды показалось, что он космонавт, наблюдающий в иллюминатор далёкую чужую планету. По правую руку Нистратов увидел огромный портрет болезненно худого старца, одетого во что-то, напоминающее рясу священника, увешанную драгоценными камнями и вышитую золотом. Лицо старца избородили, будто пустынные барханы, глубокие морщины, а возраста он был такого, что вполне мог являться сверстником Ивана Грозного.

Случайному посетителю стало не по себе, и он попятился к двери, но тут над ним раздался голос, принадлежащий не человеку, а скорее существу из преисподней:

– Не двигайся!!!..

Елисея Никаноровича бросило в жар. Ноги ослабли, и он рухнул на пол.

«Боже, спаси и сохрани, спаси и сохрани!», – завопили мысли Елисея.

– Назови имя!!! – прогремел голос.

– Е...е... ли... лисей, – судорожно прошептал он.

– Вижу, сглаз на тебе есть!

– Есть! Так точно, есть... Виноват!

Елисею сразу захотелось заплакать, или, лучше, зарыдать, но невероятным усилием воли он погасил порыв, и сдавленно, будто его пытались задушить, спросил:

– Скажите... – «ради Бога» хотел вымолвить он, но успел передумать и спросил проще: – скажите... кто вы?

В комнате воцарилось молчание, такое, что Нистратову показалось, будто он мгновенно оглох. Елисей хотел проверить жуткую догадку: то ли закашлять, то ли крикнуть, дабы убедиться, что слуховой аппарат в порядке, но в этот самый миг услышал за спиной:

– Я тебе помогу!

От неожиданности Елисей вздрогнул и так резко повернул голову, что какой-то хрящик неприятно хрустнул в затылке.

Его взгляду предстал старик ужасного вида: худая, облачённая в чёрное жердь, которую венчал абсолютно лысый череп, поражённый морщинами, как засушенный гриб. Старик улыбался, но от его улыбки у Елисея по коже пошёл озноб и мгновенно возобновился нервный тик правого века, вылеченный недавно с большим трудом.

– Я тебе помогу, – повторил старик, и Елисей заметил в его руке остро наточенный металлический штырь, зловеще отливающий кровавым светом.

– Прошу Вас, не надо... у меня двое детей... дома, голодные...

Тут старик достал ещё один странный предмет – чёрный и плоский.

– Назови имя! – нахмурился он.

– Елисей, – обречённо отозвался до смерти напуганный незадачливый посетитель.

– Фамилия?

«Зачем ему?», – подумал Елисей.

– Елисей Нистратов.

Старик улыбнулся, будто соглашался сам с собой, открыл чёрный блокнот, который напуганный гость принял за сатанинскую библию, и стал что-то писать серебристой шариковой ручкой, показавшейся бедняге Елисею орудием убийства.

– Пятьдесят рубликов с вас, – заявил старик и захлопнул блокнот, – присаживайтесь, а то на полу неудобно.

Елисея словно ледяной водой из ведра окатили. Осознав всю глупость своего страха, он, вытаращив глаза на старика, попытался подняться и, не сумев, скосился в сторону черепа на камине.

– А как же это?..

– Что? – старик, в свою очередь, также посмотрел на камин. – Ах, это... ну, это так, для антуража. – Он заговорщицки подмигнул. – Не сомневайтесь: настоящий! Строителя одного плитой придавило на работе, тело всмятку, а голова хоть бы что. Целёхонька! Родных у него никого. Так мне прораб его и продал... По дешёвке.

– Да? – удивился Елисей.

– Иван Матвеев, – утвердительно закивал старик, – тридцать девять лет от роду. Такая вот судьба. Да вы его, верно, знаете. Он живописью занимался тайно, по ночам. Мечтал в галерее выставляться. Но вот беда: не пришлось...

Елисей в ответ вытаращил глаза.

«Откуда я его могу знать?» – растерянно подумал он.

Удивительно, но сейчас голос старика не казался таким страшным и неестественным, да и сам он выглядел вполне нормально, старик как старик: лысый и в морщинах.

«Ну и осёл же я», – начал самобичевание Елисей, – расскажи кому – засмеют. Хотя... Странный старик, рано я успокоился».

Елисей Никанорович встал с пола и огляделся в поисках места, где можно бы сесть поудобнее. В углу комнаты стоял стул с высокой спинкой, и он направился туда.

– А вам ведь тоже тридцать девять?

– Что, простите?

– Ну, как и строителю, – старик кивнул на череп.

Елисей посмотрел на камин и подумал:

«А ведь тридцать девять, действительно! Откуда он знает? Или спрашивал уже?» – Нистратов наморщил лоб, что, собственно, делал всегда, когда что-нибудь вспоминал.

– Да вы садитесь, садитесь, – продолжал старик.

Елисей сел.

– Значит, сглазили вас. Так?

– Я не уверен, и потом...

– Ну как же, не иначе как сглаз: ангелы на облаках... Хотя нет, ангелы – это не у вас. Или у вас? – хитро прищурился хозяин салона.

«Он что, мысли мои читает?». – Елисей посмотрел на старика с вызовом.

Тот в ответ улыбнулся загадочно, и вкрадчиво продолжил:

– Ну, так вот, я тебе помогу, и возьму за это всего пятьдесят рублей, хоть и стоит такая помощь куда больше... – он снова хитро повёл глазами. – Но и ты мне, Елисей Никанорович, окажешь одну услугу. Совсем простое дело, ну да об этом потом...

Он подошёл к Елисею и положил руки ему на виски. Вопреки подозрениям, руки оказались мягкими и тёплыми и совсем не производили впечатления, что принадлежат сухому старикашке. Скорее обладать ими мог молодой, полный сил и здоровья юноша.

«И отчество я ему не говорил...» – начал припоминать Елисей, но тут его неумолимо стало затягивать в сон, как будто он маленькое дитя, укачиваемое мамкой в тёплой и уютной люльке. На мгновение лишь приоткрыв глаза, Елисею удалось заметить, что-то странное позади мага, и он даже понял, что это, и догадка его чуть не повергла в шок, но тут глаза его, словно налитые свинцом, закрылись, и он мгновенно уснул, забыв обо всём на свете. Он слышал лишь баюкающее бормотание зачаровывающего сознания голоса, и чувствовал небывалое спокойствие и негу, шелест волн и глубину ночного неба, когда звёзды миллиардами сияющих искр плавно текут куда-то вдаль, в бездну горизонта...

Сумка

Проснулся Елисей дома, в собственной кровати. Он встал и, как обычно, как и бывает каждое утро, отправился в ванну чистить зубы и принимать душ. Чувствовал он себя просто замечательно, или, лучше сказать превосходно, что для него было крайне неестественно.

Пока Елисей шёл в ванну, его память потихонечку пробуждалась и в момент, когда он взглянул на себя в столь привычное, треснутое в правом нижнем углу зеркало над раковиной, картина его пребывания в салоне мага предстала перед ним в полном объёме. Правда, в первые секунды Елисей наивно полагал, что это остатки ночного сновидения, но сон и реальность, как известно, вещи всё-таки разные и за свои тридцать девять лет Елисей ни разу их не путал. По крайней мере, ему казалось, что не путал.

«Но как же я попал домой? – задал он себе вопрос. – Уж что-что, но это бы я запомнил...»

Но, к сожалению, именно этого он никак вспомнить не мог. Зато Елисей отчётливо помнил просьбу старика: сегодня в 17:35, у входа в кинотеатр «Нева», он должен встретиться с девушкой Настей, блондинкой, лет двадцати, и получить от неё тёмно-синюю сумку, которую в четверг нужно передать человеку с пятнистой собакой на автовокзале в районе трёх часов дня.

Эта информация во всех деталях и подробностях отпечаталась в памяти так же чётко, как у приговорённого преступника дата его казни.

Сегодня был вторник, и, значит, сумка будет больше суток находиться у Елисея. Что ни говори, а просьба странная. Да и человек, поручивший это дело, тот ещё фрукт.

Елисей принялся сравнивать старика с каким-нибудь фруктом, но, кроме сушёного инжира, ничего в голову не пришло. Самое удивительное, что у Нистратова и в мыслях не возникало простого вопроса: почему он, собственно, должен исполнять это поручение? Но в его голове сидела застрявшей занозой простая и всё объясняющая аксиома: Надо – значит, надо!

– Странное какое-то дело, – сказал своему отражению Елисей Никанорович и, побрившись, пошёл на кухню разогревать завтрак, оставленный заботливой женой. Дочери уже убежали в школу, и Елисей был дома один. На работу идти ему было не нужно, так как на днях он взял двухнедельный отпуск, а нужно было чинить сломавшийся накануне сливной бачок, чем Елисей и занялся.

Провозился он с чудом сантехнической мысли целый день, так ничего и не починив. Бачок нагло тёк, журча ручейком и раздражая без того расшатанные нервы Елисея. Он бросил невразумительные копошения внутри не подвластного ремонту устройства, помыл руки и отправился на встречу с загадочной блондинкой.

У кинотеатра, вопреки ожиданиям Елисея, народу было немного. Несколько влюблённых пар, молодой человек с цветами, и бабка с тяжёлыми авоськами пустых бутылок, хищно поджидающая добычу. Изредка к кассе подходили вечерние киноманы и, купив билет, удалялись в фойе. На часах было 36 минут шестого, а блондинки всё не было.

«Что-то в старике этом было жутко странное, – от скуки Елисей начал размышлять про себя, – одежда, что ли? А как он одет-то был?... Не помню ничего... плащ, или ряса какая...»

И вдруг Нистратова осенила, а скорее, оглушила, как взорвавшаяся над ухом петарда, догадка. И не догадка даже, а чёткое воспоминание.

Елисея пробил холодный пот, и мурашки ужаса поползли по спине.

– Ну, точно, помню ведь... Господи боже... – со стороны Елисей напоминал умалишённого: выпученные горящие глаза, ничего и никого не замечающие перед собой, тревожные бормочущие губы, по которым барабанили трясущиеся в страхе пальцы. – Точно, точно, перед тем, как он меня усыпил... Сам же видел...

То, что вспомнил Елисей, было действительно жутко: перед тем самым моментом, как он, подчиняясь гипнозу, уснул в комнате старика, он увидел невообразимое. И теперь, холодея

от страха, вспомнил, как из-под рясы мага, под мерное его бормотание, высовывался самый настоящий хвост, коричневатого цвета, с пушистой кисточкой на конце. Сейчас Елисею вспомнилось это настолько чётко, что он бы, наверное – дай ему кто-нибудь лист бумаги и карандаш – смог бы этот хвост нарисовать, хоть рисовать никогда не умел.

– Здравствуйте!

Елисей вздрогнул. Качающийся пред глазами хвост исчез, и место его заняло более приятное видение. Перед испуганным Елисеем предстала молодая хорошенькая девушка с большой спортивной сумкой в руке.

– Я Анастейд.

– Кто? – не расслышал Нистратов.

– Настя. А вы, наверное, Елисей Никанорович? Мне полковник именно так вас и описал.

– Какой ещё полковник? – опешил Елисей.

– Полковник Фэб, разве не он вас прислал? – удивилась блондинка.

Елисей, путаясь в мыслях о кошмарном хвосте, нервно пожал плечами и ответил:

– Не знаю, меня прислал старик... Маг... – и, помедлив, добавил шёпотом, наклонившись к девушке, – с хвостом!..

Елисей отстранился, подозрительно огляделся по сторонам и вопросительно-заговорщицки посмотрел на блондинку.

– А-а, понятно, – сказала, улыбнувшись, Настя.

– Вот сумка, – она протянула ему то, за чем он сюда и пришёл, – а вот ключ, – она достала из кармана лёгкой куртки металлический треугольник с тремя округлыми отверстиями по краям и положила в ладонь Елисея.

– А ключ зачем? – удивился Елисей, разглядывая треугольник. – О ключе мне ничего не сказали...

– А вы меня не помните? – спросила вдруг блондинка, пристально посмотрев Елисею в глаза.

Что ни говори, а девушка была очень симпатичная, настолько, что даже путаница мыслей не смогла Елисею помешать заметить это. Белокурая, голубоглазая, словно сошедшая с киноэкрана. Он смутился и ответил:

– Ну, в общем-то... нет.

Девушка улынулась, словно только для самой себя, и посмотрела на Нистратова, как ему показалось, с некоторой завистью:

– Берите, потом всё поймёте. – Она развернулась и пошла в сторону автобусной остановки.

– Подождите, Настя, – опомнился Елисей, – а кто же такой этот старик?

Она остановилась. С минуту девушка не оборачивалась, будто демонстрировала Елисею свою точёную фигурку, и только когда Нистратов оценил её сполна, повернулась и таинственно произнесла:

– Полковник Фэб!

Затем Настя быстро добежала до остановки и запрыгнула в подошедший автобус.

Сумка была довольно тяжёлая, и поэтому, плюнув на то, что денег мало и жалко, Елисей поймал машину и, договорившись с шофёром, похожим на перекрашенного в шатена Деда Мороза, за полтинник доехал домой. Дома он спрятал сумку под кровать и отправился ужинать. Вся семья была в сборе. Жена Наталья Андреевна – заведующая детской поликлиникой, и две дочери – Маша и Алёна.

Маше недавно исполнилось тринадцать лет, она была весёлым, добрым и жизнерадостным ребёнком. Мечтательная и красивая, Маша грозила вырасти в настоящую головную боль многих и многих особей мужского пола. А в том, что поклонников у дочери будет невероятное

количество, Нистратов не сомневался. Елисей втайне очень гордился своим «произведением», приписывая основную заслугу почему-то себе, а не супруге.

Алёне было шестнадцать, она была вполне сформировавшейся девушкой, крутила непродолжительные романы с молодыми людьми и часто не ночевала дома, «оставаясь в гостях у подружки», как она говорила доверчивым родителям. Училась она неважно и в будущем мечтала стать знаменитой на весь мир певицей. Она даже выпросила у Папика (так она бесцеремонно называла Елисея) шестиструнную гитару и часами могла сидеть в своей комнате, бренча и скуля что-то под нос.

Нистратов обеих дочек любил с безмерной отеческой нежностью и строгим родителем не был, поэтому в семье всегда царили мир и покой.

Сам Елисей Никанорович детства своего не помнил. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он попал в жуткую автомобильную катастрофу вместе с родителями. Произошло это летом на Кавказе, в горах. Маленький Елисей с семьёй отправился на экскурсию в автобусе, смотреть знаменитую пещеру, в которой якобы сразу после войны обнаружили останки летающей тарелки и труп пришельца. К несчастью, в пещере маленький Елисей так и не побывал. На одном из крутых поворотов серпантина автобус столкнулся с древним, взявшимся непонятно откуда «жигулёнком». Тот вылетел из-за поворота на полной скорости и столкнулся с автобусом лоб в лоб. В живых остался только Елисей.

Всё это ему рассказала его тётка Мария, которая и воспитала его как родная мать. Сам Елисей, пролежав в тяжелейшей коме четырнадцать месяцев, придя в себя, не помнил ничего о прошлой жизни. Его случай называли уникальным и даже писали об этом в газете «Известия» на первой полосе. Вырезку из газеты Нистратов бережно хранил на антресоли, в картонной коробке из-под обуви. Называлась статья «Родившийся в рубашке».

Наверное, факт полной амнезии и помог ему довольно спокойно пережить потерю самых дорогих на свете людей и стать полноценным гражданином. Конечно, Елисей тосковал по родителям, но как-то неопределённо, не по-настоящему. Он их совсем не помнил, словно и не было у него никогда мамы и папы. Явных отклонений, возможных вследствие столь серьёзной травмы мозга, Елисей в себе никогда не замечал, не замечали и окружающие его люди, правда, некоторые странности иногда давали себя знать, но на счёт аварии Нистратов их не относил.

– Лисик, ты слышал, – жена иногда ласково называла мужа «Лисиком», – про странное ограбление банка возле ВВЦ?

Если бы Елисей что-то и слышал, то в ходе происходящих с ним событий последних двух дней вряд ли бы вспомнил. О газетном заголовке и небесном силуэте над крышами, виденными перед посещением салона мага, он забыл совершенно.

– Да как-то так, – невнятно промямлил Лисик. – А что?

– Как это, что? – удивилась супруга. – Очевидцы утверждают, что грабителями были трое каких-то то ли фокусников, то ли экстрасенсов... В общем, один из них был в костюме холодильника, а другой выглядел как ангел...

– А третий с хвостом? – заинтересовался вдруг Елисей, уловив слово экстрасенс в реплике жены.

– Почему с хвостом? Без хвоста, третий просто в форме пожарника.

– И их поймали?

– В том-то и дело, что нет! – радостно сообщила жена.

– Мам, а почему один в костюме холодильника? – включилась в разговор младшая дочка Машенька.

– Да, почему именно холодильник, а не тостер, например? – ехидно подхватила Алёна.

– Не знаю... Если подумать, то полная ерунда получается. Это же неудобно. Как от погони-то убегать? – Наталья Андреевна встала посреди кухни, деловито уперев кулаками руки в боки. – А вот в газете одной написали, что холодильник и ангел были настоящими!

– Как это? – удивился Елисей.

– Да так! Ангел-то ведь летал.

– Ну, это бред! – уверенно заявил Елисей и почему-то вспомнил пронзительные глаза старика-мага. – Холодильник тоже живой был?

– Вот бы нам такой холодильник! – мечтательно промурлыкала Машенька, облизывая йогурт с ложки.

Елисей, подозрительно посмотрел на дочь и, ничего не сказав, отправился в ванную.

Спал он в эту ночь крепко, а под утро ему приснился жуткий сон. Привиделось Елисею, будто у него в доме ожила вся бытовая техника: чайники и часы, телевизоры и пылесосы. Да и сам дом стал вдруг живым. Он постоянно перемещался по городу, и внутри него всё перемещалось в хаотической последовательности. Электроприборы давали Елисею немыслимые указания, заставляли его делать всю работу, которую, между прочим, сами должны были исполнять, и при помощи телепатической мысли внушали ему, что он ничтожество и побочный продукт эволюции. Но, в конце концов, Елисей ухитрился спрятаться от обезумевшей техники в ванной, где обнаружил, что у него ни с того ни с сего вырос хвост. Длинный, коричневый, с шерстяной кисточкой на конце. Совсем такой же, как у таинственного полковника-мага.

Проснувшись, он долго лежал навзничь на кровати, глядя в потолок, вспоминая почему-то школьные годы.

На счёт странностей Елисея можно было отнести его сны и происходящие в сновидениях события. Часто, например, ему снились люди, а чаще и не люди вовсе, а так – персонажи, с которыми в реальной жизни он никогда не встречался, но снились они ему с подозрительным постоянством. Всех он знал по именам, помнил каждую черту и особенность характера, будто во сне Елисей жил другой, параллельной жизнью, только вот законов «мира снов» он категорически не понимал, и от этого тайно страдал, считая себя немного не от мира сего. Даже объяснить смысл своего хотя бы одного самого безобидного сновидения Елисей внятно не мог.

Иногда, сидя в компании за кружкой-другой пивка, он с интересом выслушивал переказы сновидений друзей, где события хоть и были чудными, но имели в основе вполне понятные человеческие эмоции и переживания. Одному снилось, что жена изменяет с соседом, другому, что чемодан, набитый деньгами, нашёл, третьему – будто в море пенном с дельфинами плавают.

А что мог рассказать Елисей? Как он с ИниПи Форгезо, получеловеком-полурadioволной, облетает статический звукоряд гармонии мира? Или о том, как в помещении, чем-то сходным с увеличенной до исполинских размеров амёбы, он, Елисей, самого себя осознавая то ли разумным скальпелем, то ли разрядом тока, получает неопишное удовольствие от созерцания блёклого частотно-пульсирующего мерцания какой-то подвижной структуры, являющейся к тому же им самим в данный момент?

Да и каким языком это нужно рассказывать? Какие-то слова он «вытащил» из снов, что-то обозвал сам так, как, ему казалось, это можно назвать. Но чаще всего ему снилось, как он общается со странными персонажами не то что на каком-то языке, а вообще таким образом, что и объяснить никак невозможно. Сам же он понимал, о чём ведут речь персонажи сновидений, на каком-то чувственном, необъяснимом уровне. А уж про ИниПи Форгезо Елисей вообще стеснялся рассказать даже жене, потому что порой во сне виделось ему, будто он с этой научно необъяснимой личностью сливается в одно целостное существо неопределённого пола и совершает не пойми что, и неизвестно зачем.

Правда, бывали и другие сны у Нистратова. В этих снах он летал. Летал, словно птица, неподвластный законам притяжения, свободный и дерзкий. И так натурально ощущались полёты, что и просыпаться не хотелось.

Поднявшись, Елисей поплёлся на кухню и, не почистив зубы, принялся пить кофе. Он решил заняться сегодня снова починкой злополучного бачка, но вдруг вспомнил, что у него под кроватью лежит таинственная тёмно-синяя сумка.

Вытащив из-под кровати переданную блондинкой Настей поклажу, Елисей размышлял так:

«А почему, собственно, я должен это хранить, передавать кому-то, и чёрт знает что делать, а сам права не имею узнать, что в сумке хранится? Может, там наркотики или оружие химическое? – Елисей подошёл к окну и украдкой, из-за шторы, осмотрел улицу. – Вот я идиот. Попался на дешёвый трюк... “Вы что же, меня не помните?” – бла-бла-бла... а я и уши развесил. Загребут и упакуют на всю жизнь, вот будет-то фокус... Фокусники, блин, чародеи хреновы! Ангелы у них банки грабят, холодильники по воздуху кружат!»

Елисей не на шутку рассердился.

– Как там сказала? Потом всё поймёте? Ну-ну, уже понял! – Теперь он бормотал причитания вслух, расхаживая по квартире – Это всё одна банда! – выдал резюме Елисей, хотя кого конкретно имел в виду, и сам не смог бы объяснить.

Он снова подошёл к сумке и посмотрел на неё так, словно это был возникший вдруг ниоткуда труп неизвестного.

– Ну, во-первых, никто мне не запрещал в неё заглядывать. – Елисей автоматически загнул мизинец правой руки. – Во-вторых, я имею право знать, что хранится у меня под кроватью! – Безымянный палец загнулся вслед за мизинцем. – А в-третьих...

Но договорить он не успел. В этот самый момент в комнате зазвонил телефон. Звонок отчего-то был невыносимо назойливым и звонким, и Елисей, хоть и не желал этого, трубку всё же снял.

– Да, – раздражённо спросил он.

– Нистратов? – спросил вкрадчивый мужской голос.

– Да, – осторожно проговорил Елисей.

– Поймите меня правильно, – начал торопливо объяснять незнакомец в трубке, – я желаю вам только добра, но это может изменить вашу жизнь кардинально, и потом, вы же должны понимать, какая это ответственность.

– Подождите, вы о чём? Кто это? – Удивлённый Елисей пытался вспомнить, чей это мог быть голос. – Вы ошиблись, наверное? Я...

– Не будьте ребёнком, – оборвали его. – И вообще, бросьте прикидываться! Или вы и впрямь не помните ничего?.. – удивлённо спросил голос. – Лично я всегда был на вашей стороне, но после этих событий здесь все как на ножах! Вы же отчужденец, так что выкиньте всё из головы и забудьте...

Но тут в динамике заскрежетало, послышалась какая-то возня, и связь оборвалась.

Елисей нервно бросил трубку, постоял с минуту, обдумывая услышанное, и, ничего толком не надумав, отправился на кухню курить.

– Утренник в сумасшедшем доме, честное слово! – он закурил. – Нет, это всё определённо взаимосвязано!

Елисей снова прошёл в комнату, где лежала сумка блондинки. Вполне обыкновенная спортивная сумка, правда, без надписей и лейблов знаменитых спортивных марок. Молния сверху и боковой карман.

Для начала он решил проверить содержимое кармана. Что-то необъяснимое останавливало его залезть внутрь сумки сразу, и он начал с малого.

Там был конверт. Елисей достал его и внимательно осмотрел. Обычный почтовый конверт с маркой, на которой был изображён разноцветный воздушный шар, парящий в облаках.

Необычное заключалось в другом. На конверте имелся фабричный оттиск. Типографский шрифт гласил:

«Инструкция по вскрытию спортивной сумки тёмно-синего/тёмно-оранжевого цвета для Елисея Никаноровича Нистратова, подотчётный номер ZZx2344 июль 22, 13:38 Москва».

Елисей машинально посмотрел на часы и побледнел: было ровно 13:38, причём минутная стрелка встала на отметку именно в тот момент, когда Елисей на неё взглянул. На дворе стоял июль, и, насколько помнил Елисей, число тоже указано верно.

Он, сухо сглотнув, судорожно вскрыл конверт и достал свёрнутый втрое листок. Нервный тик правого века снова дал себя знать. Елисей торопливо потёр глаз тыльной стороной пальца, развернул листок и прочитал:

«ИНСТРУКЦИЯ: Открой сумку».

Больше на листке ничего написано не было.

Как во сне, он отбросил немыслимую в своей глупости и в то же время убийственно загадочную инструкцию, сел на пол и расстегнул молнию.

В сумке находились два свёртка: один большой, второй поменьше.

Елисей распаковал тот, что побольше.

Сначала он даже не понял что это; потрогав осторожно рукой белую мягкую поверхность, Елисей ощутил странное тепло. Он пригляделся.

Это были два крыла, сантиметров семьдесят в длину, белоснежные, удивительно чистые, почти невесомые.

Елисей взял одно и попытался расправить. Легко и бесшумно крыло распахнулось, и Елисея обдало ветерком, и в дуновение примешался слабый зыбкий запах, ни на что не похожий и в то же время удивительно знакомый. Так бывает иногда. Раз! – и случайно пойманный где-то ветром аромат еле коснётся обоняния человека, и он вдруг вспоминает или силится вспомнить давно забытое, потерянное ощущение чего-то важного, такого настоящего, значимого, такого необъяснимо знакомого, что, кажется, ещё чуть-чуть и ты поймёшь всё. Всё, что только может понять человек. Но память не возвращает в прошлое, и прозрения не возникает, а только отзывается гулкой тоской душа. И вдруг понимает человек, как изменился мир вокруг, как изменился он сам, как одинок он и ограничен, но длится это лишь доли секунд: слабая вспышка – и через мгновение ни запаха, ни воспоминания нет, а есть ощущение невозполнимой потери.

То же произошло сейчас с Елисеем. Вспышка – воспоминание – пустота. Елисей аккуратно сложил крыло и положил перед собой. Почему-то он сразу понял, что это не крылья какой-то птицы или невиданного пернатого зверя.

«Ангел, ограбивший банк», – первая чёткая мысль, появившаяся в голове.

Чем дольше Елисей смотрел на крылья, тем больше убеждался, что видит их не в первый раз. Но где и когда приходилось созерцать это чудо, вспомнить не мог.

Он взял в руки второй свёрток. Пакет был значительно тяжелее. Что-то твёрдое на ощупь. Почему-то Елисей представил себе кирпич, завернутый в плотную бумагу.

Он решительно разорвал упаковку и вытащил чёрного цвета предмет прямоугольной формы. Предмет был гладкий, как стекло, и внешним видом никак не выдавал своего назначения, но на кирпич действительно очень походил.

Елисей повертел его в руках, поскрёб ногтем, посмотрелся на своё идеально ровное отражение в чёрной зеркальной грани, и увидел там лицо унылое и растерянное, как у проигравшего в лотерею неудачника.

Наскоро завернув крылья и непонятный предмет в упаковочную бумагу, Елисей сложил их обратно в сумку и задвинул её под кровать.

Он принялся ходить по квартире, да с таким видом, будто только что по радио объявили о неминуемом конце света. Странное содержимое сумки разбудило в голове апокалипсические фантазии и трусливые подозрения, что он попал в жуткую историю, густо замешанную на религиозности и мистике. Елисей вспомнил телефонный звонок, предшествовавший его

любопытству, и твёрдо уверился, что это вовсе не розыгрыш и не случайное совпадение. А ещё он вспомнил хвост, высовывающийся из-за спины старика изогнувшейся полусонной коброй.

«Так ведь они знали! – вдруг с ужасом осознал Елисей. – Знали, что я вскрою сумку!»

Он побежал в комнату, увидел на полу конверт и схватил его. Зрачки тряслись, как две сливы на ветру, вот-вот готовые сорваться. Он увидел, что никакой надписи, касающейся его права открыть сумку, нет. На конверте не было вообще никакой надписи. Он был совершенно чист.

– Дела... – выдохнул Елисей сипло.

Лицо его сделалось серым, как дорожный асфальт. На негнувшихся ногах добрёл он до кухни, вставил в губы сигарету и прикурил жёлтый фильтр. Вдохнув зловонного дыма, Елисей закашлялся, сплюнул в раковину и туда же швырнул испорченную сигарету. Нужно было что-то решать, и он решил никому не говорить о том, что с ним произошло, отнести сумку, куда было велено, и тем самым разрешить загадку. Из головы не выходил только загадочный хвост, так и качающийся перед глазами живым подрагивающим маятником.

Сумку надо передать в четверг, а сегодня среда, и Елисей не нашёл ничего лучше, кроме как пойти в спальню, открыть дверцу шкафа и между сиреновой наволочкой и жёлтой в цветочек простынёй отщипнуть от бюджетной заначки несколько купюр. А потом, одевшись так быстро, будто на подъёме в армии, очутиться в ближайшем баре за столиком с бутылкой водки и порубленным дольками лимоном в треснутом блюде.

Елисей решил напиться.

Задурманить сознание, как это делает большая часть населения страны, отчаявшаяся что-либо изменить в жизни. Он налил первую и, сморщившись, выпил из пластмассового стаканчика, проглотив вдогонку пахнущей жжёным сахаром жидкости кислый жёлтый кружок.

Тут же налил следующую и уже разомкнул губы, дабы влить внутрь, как за его стол без приглашения присел незнакомец в сером пиджаке и уставился Елисею Никаноровичу прямо в рот, будто проверяя, все ли зубы у того на месте. Однако Елисей, хоть и возмущился столь наглому взгляду, всё-таки завершил начатое движение и наполнил себя второй порцией алкоголя. В этот раз закусывать он не стал, а тревожно посмотрев на незнакомца, глухо спросил.

– Чего?

Незнакомец вскинул бровь так же легко, как штангист приподнял бы годовалого щенка, и удивлённо осведомился:

– Водку пьёте?

– Пью, – подтвердил Елисей, которому вопрос показался наглым и глупым. – Налить?

– Налейте, – согласился тот и, как по волшебству, извлёк из внутреннего кармана пиджака точно такой же пластиковый стаканчик, как у Елисея. На вид непрошеному гостю было лет тридцать пять – сорок. Голубыми пронзительными глазами, на которые спадала непослушная светлая чёлка, он, словно пытливый экспериментатор, наблюдал за Елисеем. Было в его взгляде что-то непростительно наглое, бесцеремонное.

Нистратов, глядя в упор на нахала, небрежно наполнил тому стаканчик до краёв и с гротом поставил бутылку на стол. Незнакомец взял стаканчик, неспешно поднёс к губам и медленно выпил, по-купечески отогнув мизинец, на котором блеснул чёрным камнем красивый перстень. Нистратов, проследив, как исчез алкоголь во чреве нисколько не отреагировавшего на дрянное пойло человека, почему-то подумал, что перстень на пальце очень дорогой, и в Елисее вспыхнуло чувство несправедливости. Наглец носит такую роскошь и осмеливается подсаживаться за чужой стол ради халявы. Впрочем, дальше Елисей подумал, что, очень может статься, следующим платить будет обладатель перстня, и напиток, возможно, будет более благородным.

– Неплохо! – заключил неожиданный собутыльник и, будто прочитав мысли Елисея, добавил. – Но позвольте и мне угостить вас.

Он поднял руку, приглашая официантку, и, когда та подошла, заказал самый дорогой коньяк, что имелся в баре, и закуски к нему. Елисей от таких действий опешил, вообразив себе, что мысли его, как общедоступный журнал, может прочесть всякий, кто захочет. Он насторожился и старательно стал ни о чём не думать. Но у него не получалось. И снова в голове всплыл отчего-то омерзительный хвост мага, торчащий из-под рясы коричневым извивающимся жалом.

Тем временем официантка принесла графин с золотистым содержимым, две рюмки, сверкающие перламутром, и тарелочку с миниатюрными тарталетками, начинёнными красной икрой. Аккуратно выставив это богатство на стол, она обольстительно улыбнулась и, развернувшись, медленно поплыла сквозь сизую пелену табачного дыма к причалу бара, так, чтобы вся притягательность её женских форм, обтянутых белой блузкой и сиреневой юбочкой, впечаталась расточительным клиентам в самую глубину их натуры.

– Ну, а что вы, любезный, думаете по поводу самолёта? – поинтересовался незнакомец, разливая коньяк в матовые, будто из дыма отлитые, рюмочки.

– Самолёт? – удивился Елисей. – Какой самолёт?..

Самолёт

«Боинг-737» авиакомпании «Сибирь», совершающий рейс Москва-Адлер, летел сквозь причудливые белоснежные облака, похожие на ландшафт Гранд-каньона, и напоминал зелёную, планирующую на негнувшихся крыльях, гаванскую сигару. Облака неподвижно висели над размеченной квадратиками землёй, сказочные, напоминающие то невиданных зверей, то невероятные города, то ещё что-то необъяснимое. Из-за хитросплетений висящего в небе концентрированного пара картина казалась фантастической и дико красивой.

Иващенко, второй пилот рейса 1025, в который раз удивлялся небывалому небесному пейзажу и задавался вопросом: кто мог создать столь удивительный и прекрасный мир? Он имел в виду не только небо, но и всю землю в целом: природу планеты и её обитателей, тех поразительных, странных существ, что населяли моря и океаны, чудных птиц и экзотических зверей. В бога Иващенко не верил, но какой-то частью сознания понимал, что без вмешательства сил могущественных и высших, превосходящих человеческий разум несравнимо, создать всё великолепие земное было бы невозможно. Определённо неспроста в галактической пустоте, среди миллиардов звёзд и планет, возникла столь гармоничная, красивая, густо заселённая разнообразной живностью жемчужина. А уж то, что некоторая живность не просто обитает, а ещё и мыслит, и мир под себя обустривает, казалось Иващенко фактом, неопровержимо подтверждающим его теорию.

Теория была такова:

Когда-то давно, миллионы лет назад, некая цивилизация, спасаясь от галактической катастрофы, выбрала убежищем Землю – лишь потому, что та находилась на подходящем расстоянии от Солнца. Они-то и создали моря и реки, горы и озёра, засеяли равнины, вырастили джунгли. И фауну на планету завезли тоже они. Шли столетия, галактические переселенцы плодились и умирали, поколения сменяли друг друга... А потом случилась катастрофа, погубившая почти всех, а те, кто выжил, с течением времени начисто забыли о великих предках. Они расселились по всей земле, и возникла новая цивилизация, потерявшая большую часть знаний.

Люди, в понимании Иващенко, были детьми звёзд!

Кто, в свою очередь, создал спасшуюся бегством цивилизацию, второй пилот не знал, мало того: и не озадачивался таким вопросом. Однако в свою версию лётчик верил до глубины души.

Божественное не вписывалось в теорию Иващенко. Он не мог сопоставить библейские трактаты о сотворении мира с реальностью жизни. Библия для него походила на сказку о вечном противоборстве добра со злом. Став пилотом, Степан Иващенко лично убедился, что на небесах царства божьего нет, а есть атмосферные слои, воздушные ямы и низкая температура, абсолютно не сопоставимая с условиями, при которых мог бы произрастать восславленный Библией райский сад. Минус шестьдесят и белые перья облаков – вот и всё, чем могло похвастаться небо на высоте десяти тысяч метров.

– Исккупаться-то успеем? – поинтересовался Степан у капитана, заранее зная, что ответ будет положительным.

– Успеем, – улыбнулся Константин Савельевич.

– Сейчас, говорят, море под двадцать восемь градусов.

– Да ну?

– Точно!

Константин Савельевич Пыжников, пятидесятилетний капитан, недавно успешно прошедший переподготовку в США на пилота «Боинга-737», и теперь уверенно чувствующий себя за штурвалом недавно закупленного одного из трёх крылатых красавцев, посмотрел на

второго пилота и хотел сказать, что времени у них будет навалом, до самой ночи, что накопятся они будь здоров... Как вдруг увидел позади Иващенко за стеклом бокового обзора нечто невероятное.

Он распахнул глаза, выкатив их двумя грецкими орехами из орбит, и, заикаясь, стал кивать в сторону увиденного, будто пытался дотянуться носом до собственного лба. Иващенко испуганно обернулся, и вся его теория о происхождении жизни на планете рухнула в одночасье.

Слева по борту, в сорока градусах от «Боинга», разрывая облака, нёсся странный небольшой самолёт. Сверху на блестящем крыле его стоял холодильник, возле которого, прижавшись спиной к дверце, сидел молодой парень, преспокойно попивая пиво, а рядом с самолётом, расправив белоснежные крылья, летел ангел. Температура за бортом, точно так же, как и скорость, с которой он двигался, никак не предполагали такой парадоксальной картины.

Оба пилота, начисто забыв, зачем они находятся в небе, заворожённо, как два кролика перед коброй, уставились в окно. Казалось, самолёт с холодильником на крыле и сопровождающий их житель небес не несутся на сумасшедшей высоте с бешеной скоростью, а спокойно парят среди облачных декораций, подвешенные за страховочные тросы, и их слегка обдувает вентилятор.

– Ты это видишь? – не поворачиваясь, спросил Иващенко.

– А ты? – Капитан «Боинга» похолодел, будто его со всех сторон обложили льдом.

– Вижу. Что делать будем?

– А что нам делать? – помолчав, ответил капитан. – Ничего делать не будем, летим себе дальше.

– Главное, чтоб журналюг в салоне не было! – испугался неожиданно второй пилот, наблюдая за пируэтом, проделанным ангелом.

– А что такое? Почему? – удивился Константин Савельевич, представив вдруг, как бы было замечательно так же точно летать на белоснежных крыльях, пронзая мокрые облака, и, кувыряясь, резвиться высоко над грешной землёй.

– Да ведь такое начнётся! – запаниковал Иващенко, оттягивая крючковатым пальцем петлю галстука.

– Дурак ты совсем! – Капитан скосил глаза на коллегу, рубашка которого намокла и прилипла к спине, будто в него с силой кинули медузу. – Это ж наоборот... Чудо!.. Об этом всем рассказать нужно, людям. Это ж получается, что...

– Да вы что? Нам же не поверят! – воскликнул Степан.

– Поверят!

Тут капитан вспомнил, что в его портфеле лежит подаренный недавно супругой японский цифровой фотоаппарат. Он потянулся к металлической ручке кейса, и в тот самый момент, когда пальцы его коснулись прохладного металла, ангел, сопровождающий удивительный самолёт, в один миг приблизился вплотную к лобовому стеклу «Боинга».

Тут случилось что-то необъяснимое. Турбины резко заглохли. Самолёт вдруг остановился, без рывка и каких бы то ни было травматических последствий для людей, и завис в небе.

Навалившаяся тишина вогнала лётчиков в ступор, и оба сразу ощутили желание вытащить из ушных раковин сухие ватные комки. Ангел застыл перед ошарашенными пилотами и только что вошедшей в кабину стюардессой Светланой, которая, выронив поднос с кофе, тонко пискнула мышонком, лишилась чувств, и вслед за жестяной посудой рухнула на пол. Пилоты, будучи мужчинами, привыкшими к опасностям и испытаниям, остались в сознании, а посему увидели, как от небесного создания, словно от накалившейся лампы, во все стороны разлетелись серпантинном лучи, затмив сиянием всё.

Смотреть на это стало нестерпимо: видимо, из-за несовершенства человеческого зрения, обречённого не созерцать божественных чудес при жизни. А потому глаза лётчиков рефлекторно зажмурились. Но и это не спасло от неистового света их сузившиеся до размеров мик-

рона зрочки, и оба как по команде впечатали в переносицы конечности, спасаясь от проникающего сквозь веки яростного огня. Через секунду «Боинг-737», совершающий рейс 1025 Москва-Адлер, исчез с экрана радара.

Диспетчер Капиталистиков Ираклий, увидев погасший зелёный маячок, вскочил с кресла и, нервно подпрыгнув, метнулся в штаб, маневрируя в воздухе хвостом-галстуком, развивающимся сзади, отчего тот стал похож на красного летающего головастика.

– Рейс!.. Рейс десять!.. – запыхавшись, выкрикнул он, влетев в дверь руководителя полётов, – ...десять... двадцать пять!!!..

Руководитель, предчувствуя ужасное, оторвался от чтения статьи о конкурсе «Мисс Россия», где с блудливым удовольствием созерцал красоток в купальниках на фоне сальных физиономий авторитетных спонсоров и менее авторитетных, но таких же сальных членов жюри. Он сделал страшные глаза и впечатал их в красного, как купальник победительницы в номинации «Мисс Очарование», Капиталистикова.

– Что «рейс десять двадцать пять»? – прохрипел он.

– Исчез!!! – задыхаясь, объяснил диспетчер, дрожа влажными, дряблыми, как разварившийся пельмень, губами. – Нет его там... – И он указал пальцем куда-то в коридор.

Руководитель полётов сию же секунду осознал, что день будет тяжёлым и мучительным, и, скорее всего, трагичным. Что не поедет он на рыбалку с друзьями, что не выпьет вдоволь водки, о чём мечтал всю неделю, что не попарится в баньке с краснощёкой любовницей Галочкой, и уж тем более не уснёт у неё на груди, огромной, как два свесившихся с неба дирижабля, вдали от супруги своей Катерины на базе отдыха «Солнечное».

Коньяк

– Вы что же, не слышали? – наигранно изумился незнакомец, вытянувшись фонарём над столиком. – Намедни самолёт исчез в небе. Об этом все газеты пишут.

– Как исчез? – растерялся Елисей, подумав: «Чего это он меня, про самолёт-то?».

– Летел, представляете, в небе, и вдруг исчез! – собеседник хлопнул в ладоши, будто лишил жизни комара.

– Разбился, может?

– Нет, что вы, – отмахнулся тип, хватая рюмку и глазами показывая Нистратову, чтобы и тот следовал его примеру.

Елисей поспешно ухватил хрустальный колпачок и, запрокинув голову, проглотил содержимое. По пищеводу горячо потекло, а на языке остался приятный тающий аромат.

«Кто он такой?», – задумался Елисей и тут же получил ответ:

– Позвольте представиться, Михаил Гелархан. – Он протянул Елисею визитку из белой бумаги, на которой золотым каллиграфическим шрифтом было написано имя.

«Грузин, что ли?», – подумал Нистратов, разглядывая бумажный квадратик. Под именем мелким шрифтом находилась надпись: «специалист по связям и урегулированию».

– Нистратов Елисей, – ответно представился он.

Гелархан приветливо улыбнулся и глазами указал на наполненные вновь рюмочки. Когда он успел налить, Елисей не заметил. Он послушно взял свою и, чокнувшись звонким колокольчиком с новым знакомым, выпил, поморщившись, теперь от удовольствия. Елисей почувствовал, как тело его, будто после тяжёлой физической работы погрузилось в горячую ванну и блаженно размякло. В голове уже не шумело, и окружающий гомон бара превратился в лёгкий ненавязчивый мотив. Глаза Нистратова заблестели ночными цикадами, он откинулся на спинку стула и, вытянув из пачки сигарету, закурил, пустив в потолок густую туманность.

– Так вот... – продолжил Михаил Гелархан, – самолёт не разбился, не попал в руки террористов, а просто исчез с неба. – Будто в доказательство своих слов, он извлёк из кармана пиджака газету, сложенную книжечкой, и протянул Нистратову. – Читайте!

Елисей взял предложенную прессу, развернул и прочёл на первой полосе:

«Пассажиры пропавшего самолёта перед смертью видели ангела»

От этого заголовка по спине Елисея прошёл озноб, будто под рубашкой проползла гремучая змея. Он нервно забегал глазами по строчкам, на которых сложно было сфокусировать взгляд, словно они были размыты водой, и текст норовил расплыться в жидкую словесную кашу.

«Он позвонил мне и сказал, что видит ангела, летящего возле крыла!» – гласила надпись у фотографии с заплаканной тёткой в цветастом платье. Тётка была женой одного из пассажиров пропавшего самолёта. Она прижимала поленистые руки к груди, взирая на безжалостное небо распухшими глазами на одутловатом лице. На другой фотографии усатый и в очках гражданин, похожий на нелепо загримированного под европейца китайского шпиона, утверждал, что его жена также позвонила с мобильного телефона перед самым исчезновением небесного судна и, плача, праведными слезами клялась, что видит божие создание, парящее в облаках за иллюминатором.

Внизу шла сноска на показания старушки-пенсионерки, к которой накануне катастрофы явился чёрт на кривых свиных ногах и с кочергой в когтистых уродливых лапах. И, дыша на неё пеклом ада, предрёк гибель самолёта, торнадо в Мексике и вторжение марсиан. Но напрямую к статье это не относилось, а шло как дополнительная устрашающая заметка. Старушка на фото выглядела так, будто пила водку с трёх лет и ни разу не чистила зубы. А потому Елисей в старушечьи предзнаменования не поверил.

Но в ангела, которого видели пропавшие пассажиры, Елисей уверовал сразу. Он вспомнил о крыльях, лежащих под кроватью в его квартире, о разговоре в кругу семьи про ангела, обчистившего банк, и с ужасом вдруг ощутил себя соучастником зловещего церковно-террористического заговора, целью которого являются мистические грабежи и похищения самолётов с летящими в них людьми.

– Но при чём здесь я? – чуть не заныл изрядно захмелевший Нистратов, оторвавшись от статьи. Он посмотрел в глаза собеседника, и вдруг понял, что это никакой не Михаил Гелархан, специалист по связям и урегулированию, а следователь прокуратуры, вышедший на след Елисея и подозревающий его в пособничестве ангелам, угнавшим самолёт. Но тут же поправился и решил, что думается ему всякая нелепость. Зачем ангелам самолёт? Да и людей убивать им зачем? Ведь это же помощники Господа, а, следовательно, добрые и праведные существа. Но зачем тогда ему передали крылья? И кто передал? Старик с хвостом передал, а у ангелов хвосты не произрастают!

Вся вереница мыслей пронеслась в голове Нистратова вихрем и в итоге смешалась в одну, неподвластную пониманию гипотезу.

– Да что вы! – Гелархан расплылся в добродушной улыбке. – У меня и в мыслях не было вас обвинять в чём-то. И почему, собственно, вас? – Он хитро прищурился. – Я лишь имел смелость вас развлечь. Мне тоже одиноко, думаю, подсяду к хорошему человеку, угощу коньяком...

– Да-а? – подозрительно успокоился Елисей.

– Именно так! – Новый знакомый в одно мгновение наполнил рюмки, взял свою двумя пальчиками и, выпив, отправил в рот тарталетку с блестящей рубиновыми камешками икрой.

Елисей, глядя на аппетитное зрелище, не удержался и проделал всё в точности так же. Икра лопалась на языке, растекаясь солёными, дразнящими каждый вкусовой рецептор лужицами, и послушно стекала в пищевод аппетитнейшей струйкой. Нистратов ощутил в себе блаженство: он давно не ел икры, тем более за чужой счёт, да ещё под такой превосходный коньяк, что было втрое приятнее.

«Откуда тут такой коньяк хороший?», – задумался Елисей, глядя на графин, янтарный напиток в котором неминуемо энтропировал. По правде сказать, он был уверен, что подают тут исключительно дрянную водку да паршивую закуску к ней.

– А вы откуда сами, Михаил...э-э-э? – поинтересовался хмелеющий с каждой минутой Нистратов. Мысли о самолётах и ангелах оставили его, сменившись симпатией к щедрому на угощение незнакомцу.

– Можно без отчества, – благодушно разрешил тот.

Елисей кивнул и пьяно улыбнулся.

– Я... ниоткуда конкретно, – ответил Михаил, посмотрев сквозь Нистратова, будто тот был стеклянным. – Проездом в Москве.

– По делу?

– Не без этого.

Елисей не знал, что спросить у нового знакомого, но очень хотел как-то проявить себя участием, потому как начал чувствовать благодарность за угощение, и в пьянеющей его душе разлилась любовь ко всему во вселенной.

– А что за профессия у вас? – Он припомнил текст на визитке. – Что это, «специалист по урегулированию»?

– Многопрофильная спецификация, – уклончиво отвечал таинственный специалист, и снова Елисей увидел наполненную рюмку в своей руке. Он выпил и проглотил неприменную тарталетку, как сказочный кит – корабль, набитый сверкающими бриллиантами.

– А вы кем трудитесь? – в свою очередь поинтересовался Гелархан, посмотрев такими пронзительными, как рентген, глазами, что Елисею вдруг показалось, будто ему и без того всё известно.

– Я... э-э-э... – замялся он, выискивая запропастившиеся куда-то сигареты, – вообще в отпуске сейчас, а так работаю заместителем ведущего инженера полиграфического предприятия. – Должность свою Елисей выговорил с трудом, несколько раз неприлично брызнув на стол микроскопическими капельками. Про себя он решил больше не пить, и через секунду, снова вместил в нутро очередной горячий янтарный глоток. После чего закурил сигарету, отправив сознание плавать в многократно усиленном табачным дымом море пьяного удовольствия.

– А как тут пиво у вас? Приличное? – Приезжий Михаил абсолютно трезво улыбался в тумане бара.

– Гадость, – прошипел Елисей, пригнувшись партизанским лазутчиком.

– Что ж, попробуем, – ничуть не испугавшись откровенной рецензии, ответил Гелархан. И через секунду на столе появились две длинные, как трубы котельной, кружки с пенными, высовывающимися из-за прозрачных бортиков шапочками. Елисей хоть и был совершенно пьян, потянулся к одной, сверкающей восхитительным жёлтым огнём, схватил её, как охотничий пёс – добычу, и жадно влил внутрь. Почти всю. Такого свежего и вкусного пива Елисей в этом баре не пил. Он торжественно икнул, поднял тяжёлые веки на собеседника и, придвинувшись поближе, интимно зажурчал в ухо таинственному специалисту.

– Хвост у него! Понимаешь? Хвост! – Он слегка отстранился, проверить, понимает ли собеседник? И, решив, что понимает, придвинулся обратно. – Сумку мне дал, гад! На, говорит! Передай! А у самого – хвост!..

Нистратов сделал ужасные глаза, как если бы увидел вылезающую из пивной кружки анаконду.

– Сумку? – заинтересовался многопрофильный Михаил, подливая разгорячённому Елисею Никаноровичу коньяк.

– Си-иню-у-у!!! – пояснил тот, потянув участливого Гелархана за лацкан пиджака. Тот ловко освободился, и вместо захваченной ткани вставил в пальцы Елисея наполненную коньяком ёмкость. Елисей посмотрел на неё, силясь понять, что это, дыхнул в сторону и махом выпил, кисло съёжившись, как снятый кирзовый сапог.

– Синюю? Как интересно... И где же она?

– Она? – удивился Нистратов, осмысливая вопрос. – Почём я знаю?.. – Он пьяно махнул и нечаянно опрокинул пивной фужер на пол. Тот, к удивлению, не разбился, а, перевернувшись в воздухе, славненько встал на деревянном полу, будто поддерживаемый бережной рукой. Остатки пива даже не успели пролиться. – На автобусе укатила... Красивая жутко! Как её... это... Антистрейд, что ли? – осоловело предположил он.

– Анастейд. Настя, – подсказал Михаил.

– Ага! – согласился Елисей. – Ещё ключ дала!..

– Ключ? – оживился подозрительно трезвый специалист. – Какой ключ?

– Тс-с-с-с... – Нистратов заговорщицки оглянулся по сторонам. – Ти-хо!!! – крикнул он. Гелархан закивал понимающе и мимикой подтвердил конфиденциальность.

– Тре-у-го-ль-ный!!! – выдавил, как из тюбика, Елисей.

Специалист посмотрел внимательно на Елисея, будто портной, собирающийся шить костюм, приобнял по-дружески и в самое ухо ласково пропел чарующим тембром:

– А кому передать-то? Сумочку синю-у-у...???

Елисей, открыл было рот, издал звук вступительный, и вдруг отпрянул, будто обжёгся.

– А-а вам-то что? – прищурившись, насторожился он.

– Мне? Да мне всё равно. Интересуюсь просто, – растерялся специалист, потянувшись к фужеру, снова отчего-то полному, желая, вероятно, вместить пьянящий нектар в опустошённые матовые ёмкости.

Тут Елисей ясно увидел, что сам он беспросветно пьян, а собеседник его свеж и чист взглядом, будто и не пил вовсе. Лишь на щеках обозначился лёгкий румянец, как у юной особы в объятиях кавалера.

– Шпион! – ткнул пальцем в подозрительного специалиста Нистратов и, вскочив, попятился задом. Тут он наткнулся на столик, где зазвенели бутылки и рюмки, и упал.

И в этот самый момент в бар ворвалась растрёпанная супруга Елисея Наталья Андреевна. Увидев мужа, пьяного, как свидетель на свадьбе молодожёнов, и уже почти ввязавшегося в драку с такими же пьяными, которым он порушил всё, без чего жизнь не жизнь, а болото.

Она подлетела вихрем и, схватив его, как обгадившегося котёнка, за шкирку, вытащила из бара. Недавний собеседник Михаил Гелархан проводил супругов печальным взглядом, оставил на столе плату за заказ и молча покинул бар, где назревал неминуемый конфликт, спровоцированный Нистратовым, между всеми посетителями.

Телецентр

– Скучно! Сколько уже тут торчим. – Василий лениво перевернулся на живот и, протянув руку, вытащил из холодильника холодную банку газировки. Дверцу он не закрыл, и холодильник, недовольно пробурлив внутренними жидкостями, хлопнул ею так, что в Василия полетели взбудораженные дуновением песчинки.

– Я тебя сейчас отключу нахрен! – вскочил обсыпанный, отплёвываясь.

Холодильник, видя негодование молодого человека, поспешно прошуршал по песку в направлении домика. Еле протиснувшись в дверь, он встал у окна и, отражая солнечный луч, начал играть сверкающим зайчиком, направляя его на редких загорающих. В основном это были молоденькие длинноволосые мулатки и недавно прилетевшие к морю, а потому бледные по сравнению с ними москвички. Луч, посылаемый обтекаемым корпусом холодильника, отчего-то не просто скользил по стройным телам неощутимым пятном, а приятно щекотал красоткам кожу. Девушки звонко смеялись и игриво вертелись на песке, пытаясь спастись от шаловливого луча.

Тут в комнату влетел ангел, немного понаблюдав за озорником и, свернув крылья, дремотно потянулся.

– Скука, – сказала дитя небес, – надо что-то предпринять.

– Угу, – пробурчал «Samsung», поймав рыженькую в купальнике без верха, которая приналась то убегать от настырного луча то гоняться за ним.

– Пожалуй, вернёмся в Москву, там жизнь кипит.

– Угу, – подтвердил холодильник, которому северная столица была больше по душе. Здешний климат казался ему чересчур изнурительным.

– Как хотите, – согласился Василий, бесшумно войдя в комнату. Он упал на диван и мечтательно зевнул. – Только тогда надо придумать что-нибудь такое...

– Опять грабить банк? – загудел холодильник нервно.

Ангел подлетел к пузатому встревоженному чуду техники и ласково провёл бледной рукой по поверхности. Мгновенно в месте, где прошла ладонь небесного существа, нарисовались удивительной красоты узоры, а сам холодильник наполнился блаженством.

– Нет, зачем же? Придумаем что-нибудь новое. Мне многое не нравится в этом мире, и это надо менять. – Василий улыбнулся.

– Может, телевидение? – Ангел застыл под потолком, нежась в струях солнца. В комнате летала мелкая, почти невидимая пыль, это было похоже на искрящуюся звёздами вселенную: пылинки двигались, подгоняемые еле слышным ветерком, кружились вокруг друг друга, сплетаясь в причудливые рисунки, и застывали подолгу в пространстве, неподвластные притяжению земли.

– Когда возвращаемся? – Василий приподнялся на кровати и посмотрел в окно на пляж. В волнах резвились юные купальщицы, бесстыдно голые и красивые, блестящие в лучах солнца и брызгах воды.

– Снова на самолёте? – устало пробурлил «Samsung». Ему совсем не хотелось лететь.

Ангел взмахнул крыльями, засиял чистым ласковым светом, и комната, как дымом, наполнилась трепещущим эфиром, задрожала и лопнула струной.

И все трое оказались у останкинского телецентра, возле главного входа. Мимо странной компании проходили озадаченные своими проблемами люди, и не заметившие, как троица появилась из воздуха. Те будто вышли из раскрывшейся невидимой двери.

– Идёмте, – сказал ангел, сложив крылья за спиной. Они вошли в длинный холл и двинулись к проходной. Некоторые телевизионные работники изумлённо смотрели на бредущий за двумя странными субъектами холодильник. Впрочем, изумлены были далеко не все. Кто-

то смотрел совершенно безразлично, привыкнув к разного рода техническим чудесам и диковинным декорациям, повсеместно используемым в телеиндустрии, которые и не такое могут изображать. А кто-то вообще не смотрел ни на что, и был озабочен лишь собой, своей дражайшей персоной, не замечая ровным счётом ничего вокруг, даже в те судьбоносные моменты, когда непосредственно к нему обращалась жизненная обстановка.

– Так. Стоп, молодые люди! Вы куда? К кому? – грозно прогнусавил хамоватого вида охранник, обласканный вниманием звёзд экрана первой величины, а потому немного страдающий от вируса звёздной болезни. В высоких военных ботинках, затянутых шнурками, он походил на бройлерного цыплёнка, готового к высадке на вражескую территорию.

Серёга, как его звали, год назад вернулся из армии и был устроен сердобольной матушкой стражем телецентра, чем гордился не меньше какого-нибудь аспиранта, удачно защитившего докторскую. А потому, поимев такую невероятную жизненную удачу, других людей считал сплошь неудачниками и откровенно презирал. Причём всех. Кроме звёзд экрана, конечно. Их он боготворил и втайне мечтал стать когда-нибудь таким же знаменитым и всеми любимым. Тем более что это было вполне осуществимо.

Однажды один подвыпивший кинорежиссёр, известный массой наиглупейших телефильмов о криминальных разборках, бушующих в России, предложил Серёге роль бандита по кличке «Чмырь» в новом проекте. Режиссёр уверял, что Серёгин типаж как нельзя лучше отражает архетип современного уголовного элемента. Что есть архетип, Серёга не знал, но слово ему понравилось. Серьёзное было слово, основательное. Охранник с нетерпением ждал начала съёмок. Днями и ночами грезил своим звёздным часом. Ожидания не проходили впустую: совсем недавно он случайно узнал у более просвещённых в плане искусства знакомых, что существует такое понятие – «актёрское мастерство», а потому решил в мастерстве этом поднатореть, дабы стать звездой настоящей. Он принялся втайне от всех учить наизусть стихи. С большим трудом, но зато намертво было вы зубрено аж два. Первое «Про бычка» Агнии Барто и второе «Про зайку» её же. Стихи Серёге нравились.

«Жизненные!» – думал он про себя. Удручало одно: протрезвев, режиссёр ни в какую не узнавал будущую звезду своего фильма и, всякий раз проходя КПП, старался на охранника не смотреть.

Это обстоятельство злило стража телецентра чрезвычайно!

Серёга, загородив проход стремящимся проникнуть на охраняемый объект чужакам, повторил вопрос:

– К кому, спрашиваю?

– Мы на съёмки, – спокойно ответил Василий, улыбнувшись ласково.

– Пропуск есть?

– Нет.

– Тогда прошу в сторонку, клоуны. Не загораживайте проход! – Охранник, чувствуя ореол власти над своей не слишком мозговитой микроцефалированной головешкой, оттеснил Василия, самодовольно ухмыльнувшись.

– Позвольте? – изумился Василий. – Да вы сами клоун. – И посмотрел на охранника снизу вверх, глазами, в которых плясали смешливые огоньки, до помрачения рассудка ненавидимые Серёгой.

Охранник хотел ухватить шутника за шиворот и встряхнуть как следует, он даже вытянул верхнюю конечность, но тут увидел, что конечность его облачена не в привычную синюю форму, придающую уверенность трусоватому в обыденности характеру, а в красный рукав с ромбиками и жёлтые поролоновые перчатки.

Серёга повернулся к напарнику и вопросительно посмотрел на того, будто спрашивая: «Чё эта?» – но ответа не получил.

Напарник, вытаращив глаза, смотрел на коллегу и не узнавал его.

Зато узнавал он в образе, который неведомо как принял его друг, циркового клоуна в рыжем парике. Он, чувствуя непростительное надругательство над охранной властью, подлетел к коллеге и, желая помочь, ухватился за рыжую шевелюру, дёрнув резко.

Но, на удивление обоих стражей врат в царство телеэкранное, парик не сдёрнулся, а утянул за собой перепуганную башку Серёги, причинив боль. Тогда напарник схватил двумя короткими, толстыми, как кабачки, пальцами красный круглый нос товарища и рванул на себя. Но и нос не отлепился от физиономии, а лишь вызвал брызги слёз и пронзительный крик ничего не понимающего охранника.

– Что это со мной?!! – завопил Серёга, в приступе паники ощущая, как его дёрнули сначала за волосы, а потом ещё сильнее за распухший почему-то и почему-то лиловый нос. Плача, он попытался освободиться от клоунского наряда и первым делом стал стягивать с рук поролоновые перчатки, но не смог, ощущая, что пытается снять собственную кожу. Тут с ним случилась истерика, и он, не глядя, побежал куда-то, звеня бубенчиками на манжетах.

– Так мы пройдем? – поинтересовался Василий у второго стража, стоящего с разинутым ртом посреди прохода.

Тот, имея мозговых извилин на две поболее, чем у сбежавшего коллеги, и наблюдавший всю сцену от начала и до конца, противиться не стал, а молча развернулся и, тряся толстыми короткими ляжками, побежал по кафельному полу прытким кабанчиком, юркнув в конце коридора за дверь. Троица визитёров спокойно прошла через покинутый пост, села в лифт и вознеслась в нём на пятый этаж останкинского телецентра.

АВТОВОКЗАЛ

– Каждый кирпич в кладке сознания есть вклад величайший, трудоёмкий и веский! – провозглашал оратор, стоящий за трибуной. В зале народу была тьма. Кто-то мирно похрапывал, кто-то тайком распивал что-то, витающее в воздухе портвейным запахом, кто-то внимательно и с интересом слушал.

Елисей сидел далеко, и из-за пелены дыма, парящего над головами, с трудом различал черты лица выступающего. Тот тем временем продолжал:

– Мы! Все мы! Являемся непосредственными созидателями! Зодчими и архитекторами в своём роде, и наша задача объективно внедрять и быть непоколебимыми...

О чём шла речь, Елисей не понимал. Что это за собрание и кто эти люди, сидящие вокруг, было для него загадкой. Однако он зачем-то поднялся и, откашлявшись в кепку, что была зажата в руке, крикнул звонким голосом молодого активиста.

– А что прикажете делать с ангелами? И почему самолёты? Самолёты почему?..

Некоторые головы обернулись к Нистратову и, как показалось, посмотрели на него с укоризной. Оратор, замолчав, поискал взглядом порвавшего его речь зрителя. Нашёл и, вытянув указательный палец в его сторону, громовым голосом произнёс:

– Такие как вы! Отчужденцы! Бросившие всё на самотёк, а сами одномоментно хранящие под кроватями крылья – эрозия в дружном сообществе настоящих создателей! А самолёты не вашего ума дело!!! Это в пятое управление, пожалуйста, к главному по аэрокатастрофам!!! Ишь, нашёлся фигляр-мокрица!!!

Зал дружно зааплодировал, послышались возгласы: «Даёшь!!!», «Гнать таких в шею!!!», «Молодец Ихтианозаврыч!» – и ещё много других, смешавшихся в гремящую какофонию. Елисей пристыженно сел на место, уловив презрительные взгляды некоторых с соседних рядов, и опустил глаза. Тут он, к своему удивлению, увидел люк в полу, похожий на те, что ведут в городские коллекторные каналы.

Тем временем оратор на трибуне, воодушевившись вербальной победой над опростоволосившимся наглецом-зрителем, под одобрительные взоры президиума продолжал:

– ...и пока всякий, кто продолжает выбивать себе местечко поуютнее да постатичнее, жуя, прямо скажем, борщи вместо положенного корм-пайка, будет указывать нам, что да где!!! Так и будет всё искривляться до безобразности!

– Верно!!! – слышалось из зала.

– Давай, дави их, клопов!!! – скандировали голоса.

Елисей открыл крышку люка и потихоньку начал влезать в него, будто поглощаемый творожной массой, колышущейся в люке медленно и плавно.

– ... ещё при Афинаренте Семнадцатом сталкивались мы с той же, будь она не ладна, чёртовой фрустрацией!!! А теперь? При нынешнем-то стаблочифрокрane? Что же нам мешает?

– Что? – доносился гул зала до ушей Нистратова, почти полностью всосанного веществом в люке.

– ... а то! – продолжал надрывно оратор. – Эти проклятые отчужденцы, чёртовы куклы! И я не побоюсь этого слова... пора, товарищи, завязывать! Завязывать пуповину эту!

Под бурные овации, поглотившие последние слова горячего оратора, голова Елисея окончательно скрылась в люке, и он вынырнул в среду, которая до дрожи в коленях показалась ему знакомой.

Он потерял своё человеческое тело, обратившись в странную пульсирующую субстанцию, похожую на новогоднюю ёлку, обтянутую паутиной сверкающих лампочек. Елисей поплыл, вибрируя, по длинному коридору-кишке, отражающему его блеск, как пластичное зеркало. Тут же был и ИниПи Форгезо – странное существо, не объяснимое научно, он что-

то сообщил Елисею, и тот понял, что в главной системе произошёл сбой, его нужно закрыть, закрыть срочно или всё грозит обернуться катастрофой настолько ужасной, что от осознания глобальности её Елисей вскочил потный и встревоженный на своей кровати, с красными глазами и горлом сухим, будто наполненным растёртым до порошкообразной массы стеклом. Он проснулся.

Сон улетучивался с каждой секундой, и по мере этого в голову вонзались металлические штыри. Похмелье было тяжёлым. Сновидение опять было бредовым, как часто бывало с Нистратовым, но что его так напугало во сне, спроси кто-нибудь сейчас, он бы никак не смог объяснить. Однако хоть события сна почти мгновенно забылись, тревожное чувство осталось и свербело где-то в душе.

Елисей встал и медленно, боясь расплескать собственный мозг, как тарелку с супом, побрёл в ванную. Голова гудела толпой коммунистических сторонников возле ворот отдававшегося капиталистическому змию Кремля, а в глазах плыли мутные круги.

Вставив зубную щётку в рот, Елисей медленно задвигал ей, словно слепой, выпиливающий лобзиком контуры готических зданий. Мятная свежесть наполняла ротовую полость, и сознание Елисея будто прояснилось от приятного, щекочущего нёбо аромата, он посмотрел на себя в зеркало и вдруг вспомнил, что сегодня, именно сегодня, он должен передать сумку с божественными пернатыми принадлежностями человеку на автовокзале. Встреча была назначена на три часа. Он выскочил из ванной с белым пенным ободком вокруг губ, совершенно ничем не отличаясь от эпилептика, кинулся в комнату, где на стене висели часы.

Было без двадцати три.

«Сколько же я спал?», – подумал истерически Елисей. Он побежал обратно в ванную, ополоснул рот, умылся, попил из-под крана, очутился в коридоре, оделся, выскочил из квартиры, добежал до лифта, взвизгнул, опомнившись, ворвался ураганом обратно в дом, вытащил сумку из-под кровати и кубарем скатился с лестницы на улицу. Поймав такси, Елисей выкрикнул:

– Автовокзал!

И, не дождавшись согласия владельца авто, влез в машину. Магическое слово – «Автовокзал», Нистратов выкрикнул так, что водитель побоялся поднять цену вдвое, что делал всегда. Елисей во время поездки дышал вчерашним перегаром, полностью поглотившим мятный аромат зубной пасты, дёргался, как маньяк на электрическом стуле, и подгонял медлительного бомбилу. В момент шофёр довёз Нистратова до указанного места, получил символическую плату за непосильный труд и, выдохнув облегчённо, торопливо уехал.

Когда Елисей захлопывал дверь жёлтого «жигулёнка», часы на башне автовокзала показали ровно три. Нистратов огляделся по сторонам, как капитан корабля дальнего следования на командирском мостике, и увидел, что площадь кишит людьми, непрерывно куда-то движущимися, и только возле отдалённого фонарного столба стоит человек в длинном чёрном, совсем не летнем плаще, а рядом с ним послушно сидит огромная пятнистая, как корова, собака.

Елисей понял, что это именно тот, кто ему и нужен. Он собрался с духом и пошёл к человеку, огибая снующих туда-сюда с сумками и тележками граждан, так и норовящих сбить его с ног. Нистратов мечтал поскорее избавиться от сумки и вычеркнуть из своей жизни историю с крыльями и ангелами. Похмельная голова жутко болела, в горле было сухо, как может быть сухо только в пустыне в самый знойный день. Щурясь на солнце, Нистратов дошёл наконец до столба и предстал перед загадочным неизвестным.

– Здравствуйте, Елисей Никанорович. – Встречающий его молодой человек, на вид лет тридцати, оценивающе посмотрел на Нистратова так, будто был когда-то его одноклассником и спустя много лет встретил случайно. Лицо его было бледным, с чертами слишком уж правильными. Он был довольно красив, но не как смазливый юноша неопределённой ориентации, коих слишком много вертится в телевизионных музыкальных передачах, а иначе. Трагически-отре-

шённо он был красив и казался невероятно одиноким и печальным. Прозрачные голубые глаза с пушистыми ресницами излучали тепло и грусть. А ещё Елисей почувствовал, как от молодого человека пахло чем-то свежим.

«Жасмин!» – догадался Нистратов, сам себе удивляясь, что узнаёт запах. Аромат был столь натуральным, что создавалось ощущение, точно это и не одеколон вовсе, а натуральный запах цветов, впитавшийся в самую кожу. А может, так показалось с похмелья?

– Добрый день, – отозвался Нистратов, невольно пытаясь рассмотреть, нет ли и у этого под плащом хвоста.

– Меня зовут Эль Хай, – представился молодой человек, – а это Берг.

Голос Эль Хая, необыкновенно приятный, такой, словно бархатом провели по щеке, и в тоже время мужественный, мог расположить к себе любого. Девушку так вообще свести запросто с ума. А вот пёс...

Елисей посмотрел на Берга. Тот сидел, распахнув огромную пасть, из которой красным флагом свешивался мокрый язык. Породы Берг был непонятной: то ли дог, то ли помесь добермана с догом, то ли отпрыск далматиницы, согрешившей с волкодавом. Здоровый, как чёрт! Казалось, взрослый пони с собачьей мордой сидел сейчас перед Нистратовым и смотрел на него невероятными чёрными глазами, как у инопланетных пришельцев в голливудском кино.

– Очень приятно. – Елисей подумал, что от такой собачки, пожалуй, не убежит ни один злоумышленник. А ещё увидел, что пёс сидит рядом с хозяином без ошейника, а следовательно, если ему вдруг взбредёт в голову попробовать Елисея на вкус, ничто его от такого желания не сдержит. Нистратов от мысли этой побледнел и внутренне задрожал. Хотя дрожь могла быть спровоцирована и похмельем, усугубляемая ещё и летней жарой.

– Ну что ж, давайте сразу к делу, – тихо проговорил Эль Хай.

– Да, да, конечно! Вот... – Елисей протянул сумку.

Эль Хай как будто удивился. Пёс наклонил морду к сумке, понюхал и, приподняв глаза, посмотрел на Елисея тоскливо. Будто сопереживал тяжёлому состоянию, которое пришло к Нистратову после того, как он напился.

– Да нет, сумка останется у вас, Елисей Никанорович. Я лишь дам вам следующие инструкции. – Молодой человек улыбнулся.

– Как? – испуганно-удивлённо воскликнул Нистратов и отпрянул. – Почему у меня? Какие такие инструкции?

– Вы знаете подмосковный город Зеленоград? – будто и не расслышав Елисея, продолжил Эль Хай. – Это сорок первый километр ленинградского шоссе...

– Я... – начал было Елисей.

– Так вот, поедете от «Речного вокзала», выйдете на повороте у поста ГИБДД и увидите курган с каменной стелой на вершине.

– Мне сказали... – заикнулся Елисей.

– Поднимитесь к стеле, найдёте отверстие небольшое, похожее на щель. Воспользуетесь ключом. Ключ у вас? – не слушая Нистратова, продолжал Эль Хай.

– Э-э-э... ключ? – Елисей перестал нормально соображать.

– Так вот. Там...

– Подождите! – нервно вскрикнул обладатель сумки с крыльями и тут же боязливо взглянул на пса (не укусит ли). – Мне сказали, что я просто передам сумку, и всё! Зачем вы меня используете! Я не хочу-у-у! – Нистратов вдруг заныл, как ребёнок, и жалобно посмотрел в глаза огромной собаки, будто моля оставить его в покое.

– А зачем вы сумку вскрывали? – ехидно спросил Эль Хай, с такой интонацией, будто видел, как тот рассматривал порножурналы и тайно блаженствовал сам с собой.

– Я... мне... там написано было... – начал, запинаясь, оправдываться Нистратов.

– Да прекратите вы, в самом деле! Вам пива надо выпить, а то плачете, как младенец! – не выдержал Эль. – Вы всё поймёте позже, – подбодрил он скисшего от такого поворота событий Елисея. – Так вот, когда вы войдёте...

И тут Елисей увидел нечто из ряда вон выходящее. Со всех сторон, из всех щелей, канализационных люков, дверей, из-под колёс машин, и даже, кажется, из чемоданов некоторых граждан, как по команде, начали появляться здоровенные серые крысы. В миг они заполнили всю площадь, подняв невероятную панику, женский визг и шум. Казалось, крысы со всей Москвы стеклись сюда шевелящейся мерзкой рекой.

Эль Хай говорил ещё что-то, но Елисей его не слышал. Крысы тем временем, сверкая маленькими злобными глазками, устремились не на какой-нибудь рейсовый автобус, едущий в Крым или подмосковный лечебный санаторий, и не напали на торгующие отвратительными на вкус чебуреками узбекские палатки, а кинулись в сторону беседующих Елисея, молодого человека в плаще и вскочившего на все четыре лапы пса Берга.

Берг, оскалив пасть, вмиг стал похож на оборотня – зловещего и огромного, глаза его загорелись адским огнём, и он зарычал. Зарычал так, что у Елисея сердце сковал лёд и оно рухнуло в пятки, разбившись на тысячи мелких осколков.

Первую сотню атакующих крыс пёс разорвал в секунду играючи, как ребёнок обёртку от конфеты. Но тварей это не остановило, и они грязной шевелящейся волной накатывали ещё и ещё. Он рвал их отчаянно. Всюду брызгала кровь, и ошмётки мерзких грызунов летали в воздухе, как рождённые пеклом ада бабочки.

Елисей, трясаясь всем существом, побежал прочь от столба прямо по телам взбесившейся подвальной нечисти. Он чувствовал, как хрустят крысиные тела под подошвами, как истерически визжат раздавленные твари, но его это не останавливало, а наоборот, усиливало омерзение и страх, придавая сил. Елисей, будто на крыльях, взлетел над кишасей землёй, приземлился на багажник чьей-то машины, в салоне которой заперлись ополоумевшие люди, вытаращенными от ужаса глазами наблюдающие невообразимое действо, и запрыгал, покидая площадь, с багажника на багажник, с крыши на крышу, уносясь всё дальше от жуткой бойни.

Опомнился Елисей только дома, куда примчался, сам не зная, как. Сумка была с ним, но тяжести, пока бежал, он не чувствовал. Почувствовал только сейчас. Рука онемела, будто перетянутая жгутом, пальцы не слушались и не желали разжиматься. Он сам вырвал у себя из рук сумку и снова закинул под кровать. Дрожа в истерическом возбуждении, Нистратов побежал в ванную, отмывать окровавленную обувь.

«Крысы, – приговаривал про себя Елисей, судорожно смывая засохшие ошмётки, – появились не случайно! Это же небывалое дело! Откуда их столько? Во что я впутываюсь? А пёс этот... Берг. Он же сам дьявол! Но как он их рвал? А? Да... не иначе, оборотень!» – заключил Нистратов.

– Надо вина выпить! – сказал он, глядя на своё впалое бледное лицо, отражающееся мутным пятном в запарившемся от горячей воды зеркале. – Или водки? – он попытался уловить желания своего организма и понял, что водки тому не требуется совершенно. – Нет... Вина!..

Крыса

Купив бутылку «Арбатского» красного, Елисей вышел из магазина и встал в тени пыльных деревьев. Протолкнул какой-то палочкой, подобранной неподалёку, пробку внутрь, отчего та издала неприличный звук, и разом из горла выпил половину. После нервно закурил, всё ещё имея перед глазами картину вокзала, заполненного миллионами крыс, и сквозь это жуткое батальное полотно увидел, как к нему приближается сосед Семёныч, тоже явно злоупотребивший накануне. Хотя что скрывать: трезвым Семёныча Нистратов не видел никогда.

– Здорова, сосед! – обрадовался старик, предъявив на свет божий ряд зубов, в котором не хватало нескольких снизу и двух передних сверху.

– Привет, Семёныч!

– Винцо пьёшь? – обрадовался сосед-алкоголик ещё больше, узрев заветную бутылку. Глазки его загорелись, ручки затряслись, а на плешивой маленькой головке резво взметнулись ввысь три волоска, будто антенны, уловившие винный запах.

– Угощайся. – Елисей протянул старику бутылку, и тот, жадно ухватив её, снял с деревянного сучка дежурный пластиковый стаканчик. Налив полный, он, смакуя, выпил, блаженно зажмурившись.

– Слышал? – спросил старик, когда в животе его потеплело. – На вокзале-то что было сегодня...

Свидетель кошмара неопределённо промолчал, и сосед, решивший, что тому ничего не известно, авторитетно поведал.

– Там сегодня одна баба из Воронежа... колдунья... рассыпала зелье какое-то, и со всех окрестностей повылазили крысы. Бешеные все, глаза горят! Обожрались этой дрянью и словно ошалели. Трёх человек загрызли насмерть, милиционеру одному откусили ценность главную, повалили Икарус с пассажирами и обгадили всю площадь! – Семёныч деловито замолчал, ожидая реакции на феерический анонс.

– Да? А потом? – подыграл Елисей.

– А потом на них собак напустили, секретных, спецназовских. Морды – во! – Семёныч изобразил пьяный взмах и чуть не упал. – Так они их всех пожрали в момент! Таких, говорят, собачек сейчас в Чечню отправляют, террористов ловить! Я их сам видел... Лошади! – Он закивал сам себе, и с ужасом увидел, как Елисей глотает из неосмотрительно оставленной им на земле бутылки. Старик протянул стаканчик, жалобно сглотнув. Елисей налил тому остатки.

– Собаки эти – помесь волка с овчаркой! – продолжил он, поспешно выпив содержимое одним глотком. – Им ещё колют чего-то, как курам американским, так они вырастают с лошадь! Лошади, точно! – Он как будто засомневался, уставившись в пространство блёклыми зрачками. – А может, с лошастью помесь? Хрен его разберёт...

– Так что, – перебил Елисей стариновские бредни, – крыс и правда всех уничтожили?

– Крыс? Крыс всех!.. – заверил Семёныч, выискивая что-то среди кустов. – Пожрали всех до одной! А, вот она! – старик с неожиданной прытью нырнул в кустарник и так же ловко вынырнул, имея в руках заныканную ранее чекушку водки. С мастерством фокусника одним пальцем он вскрыл бутылку и сотворил из одного стаканчика два.

– Э-э-э... – начал было Нистратов, но Семёныч уже налил в оба и протянул соседу зловонную жидкость.

– На вот, – он достал из кармана застиранных брюк солёный огурец в целлофане и вручил Елисею, как выпел победителю олимпиады, – закуси! Фирменный посол. Мой! – похвастался он.

«Да чёрт с ним со всем!» – подумал Елисей и, беззвучно соприкоснувшись с соседской пластмассовостью, выпил, откусил мягкий тёплый огурец, попахивающий то ли нафталином,

то ли ещё какой дрянью. Он быстро прожевал его, боясь, что после «фирменного посла» его стошнит. Но этого не произошло.

– Хороша! – похвалил сивуху старик, маневрируя антеннами на маленькой головке. – Ты, Елисей Никанорыч, как сам-то? Не видать тебя.

– А-а... – Нистратов махнул рукой, чувствуя, что опьянение возвращается, а с ним в душу возвращаются спокойствие и отрешённость от всех забот.

– Ну, брат, это ты зря! А дочки как, растут? Старшая твоя, смотрю, красавица вымахала, вся в мать! – Старик завистливо скосил на Елисея размытый частым потреблением сивухи мутный глаз.

– Растут... – подтвердил Елисей, получая новую порцию из чекушки, – куда им деваться. – Тут он вспомнил, что перед нападением тварей Эль Хай так и не успел досказать, что же Нистратову делать дальше. – Слышь, Семёныч, а ты в Зеленограде был когда-нибудь?

– В Зеленограде? – Старик задумался, пережёвывая блёклые полосочки губ. – Был, – вспомнил он.

– Там, говорят, курган какой-то есть?

– Курган? Не, нету! – Семёныч отрицательно закачался.

– Стела там на кургане, говорят, стоит?

– Стела? Стела есть! Стоит! – заверил он и, причмокивая, высосал из стаканчика водку. – «Три штыка» – так, вроде, называется, – прохрипел он.

– Так, так. – Елисей тоже выпил и вдруг решил завтра же поехать в Зеленоград и проверить, что это всё значит, что это за ключ и что он открывает. Но прежде он решил зайти в салон мага с хвостом и всё у него расспросить и про крыс, и про ангелов, и про собаку-оборотня, и особенно про хвост! В организме его появилась какая-то хмельная смелость, глаза загорелись, и он, выхватив у старика чекушку, разлил оставшееся по стаканам. Тут же выпил сам, не дождавшись соседа, и, смяв чужой, столь порой необходимый стаканчик, бросил его на землю перед изумлённым алкоголиком, который панически осознавал, что теряет собутыльника.

– Всё, Семёныч. Привет! – Елисей вышел из-под тени импровизированного летнего кафе и направился домой.

* * *

Дома Елисея встретила жена, которая, посмотрев на него глазами, полными отвращения, горько усмехнулась и сказала, чтоб дочерям он в таком виде не показывался. А сама подумала, что у мужа начался кризис средних лет и что от безделья он спивается.

Елисей прошёл на кухню, съел две холодные котлеты с белым хлебом, выпил стакан холодного и, похоже, скисающего молока, и на цыпочках просочился в спальню, где и уснул тревожным пьяным сном.

В этот раз приснилось ему вот что. Елисей стоял на взлётном поле аэродрома, среди громоздких самолётов, и явственно чувствовал, что находится здесь абсолютно один. Никого из техников или лётчиков на обозримом пространстве видно не было. В окнах здания аэропорта пустовали залы ожидания, замерли на полпути подвижные трапы. Даже ветер замер. Казалось, будто само время против всех законов логики встало, оборвав свой ход.

Елисей начал вертеться из стороны в сторону, силясь хоть кого-нибудь найти живого в этом сюрреалистическом мире, и тут панически осознал, что едва взгляд его касается любого воздушного судна, оно, лопааясь мыльным пузырьём, исчезает в неизвестность, не оставляя от себя ничего, даже металлических брызг. Взгляд Нистратова метался от одного самолёта к другому, и всякий раз они исчезали.

Это происходило так быстро, что он не успевал как следует рассмотреть очередного алюминиевого гиганта. Но и остановиться Елисей не мог. Это было похоже на цепную реакцию.

Вскоре на поле не осталось ни одного самолёта. Все испарились, будто были секундными голографическими иллюзиями. Елисей увидел, как солнечный свет вдруг потускнел, будто яркость убавили, и, подняв голову к небу, узрел жуткую картину.

Из солнечного круга на синем безоблачном фоне, как из коллекторного люка, высунулась голова крысы. Она смотрела, сверкая красными глазами, в самую душу Елисея, и хищно ухмылялась. Ему сразу стало так страшно, так безысходно пусто, что весь мир представился ему не огромной галактической бесконечностью, а замкнутой сферой с дырочкой, в которую откуда-то льётся горячий свет, всеми воспринимаемый как солнечный и величественный, хотя это на самом деле всего лишь капля, отблеск света настоящего, случайно попавший в ничтожную дырочку из мира действительного, реального. И валяется эта сфера-псевдомир где-то на свалке того, настоящего и великого, а в неё заглядывает грязная злобная крыса.

Тут крыса, на несколько секунд полностью затмив серым юрким телом льющиеся лучи так, что сразу стало вокруг непроглядно темно, прошла огромной тушей и спрыгнула куда-то. Елисей закричал истошно и побежал, не глядя ни на что, спотыкаясь и разбивая себе колени. Так он и проснулся среди ночи, вскочив с диким воплем и разбудив жену, которая, воззрившись на мужа, определила коротко:

– Алкаш!

Елисей, истекая потом и трясясь, побежал в ванную и долго мочил голову холодной водой, пока остатки ужасного сновидения не испарились из головы окончательно. Больше он заснуть не смог, а только ворочался в полудрёме до рассвета и стонал.

Эллада

– Так! Оставьте меня в покое, молодой человек!

– Но Эллада Станиславовна! – Молодой начинающий пробиваться в Москве сценарист семенил за известной телеведущей. – Ну, ради бога! Молю!..

– У меня эфир через пять минут! – пренебрежительно отмахнулась от худощавого, чуть не плачущего юного архитектора душ Эллада Станиславовна Вознесенская, телезвезда, спешащая на эфир собственного ток-шоу.

Сама она давно забыла о том, как пятнадцать лет назад приехала в столицу из Харькова и так же плача и умоляя помочь, бегала за каждым, кто бы мог поучаствовать в её судьбе. Тогда она не была известной телеведущей Элладой Вознесенской, гламурной светской львицей с ровным, точенным хирургическим скальпелем носиком и пухлыми силиконовыми губками, а была Фросей Петровной Малявкиной, глупой провинциалкой с картофельным шнобелем, маленькой грудью и огромным желанием прославиться. Фрося так бы и осталась никем и ничем, что, в общем-то, было бы справедливо, если бы удача, слава и почёт являлись заслуженной наградой судьбы за талант и дарование. Но в этом мире всё происходит, подчиняясь иному закону. Будь на земле справедливость, самое большее, на что смогла бы рассчитывать Фрося – это должность посудомойки при ресторане «Седьмое небо», расположенном в останкинской телебашне. Но Фросе повезло иначе, и иным талантом она проторила себе дорожку в счастье.

Заняв денег у всех, кого только знала, Фрося обратилась к достижениям пластической хирургии и вышла из-под наркоза почти красавицей. Правда, от прежнего лица в ней не осталось ничего, и даже родная мать не признала бы в ней своё чадо, но Фросе Малявкиной это и нужно было.

Как только с лица сошла послеоперационная опухоль, Малявкина ворвалась юным ветром в жизнь одного известного и весьма авторитетного престарелого режиссёра-драматурга, опьянив его бурей любовных усад, кропотливо заштудированных в течение долгих просмотров порноклассики. Фрося умела всё! Всё абсолютно! И старый ловелас, кастинговавший на своём веку немало актрис и даже иногда (бывало и такое) смазливеньких актёров, был неопишимо приятно удивлён таланту юной шансонетки до глубины... Впрочем, не об этом речь.

Естественно, Малявкина стала его любовницей. Мастерство её оказалось единственным действенным лекарством, облегчающим страдания старика, давно терзаемого болезнью простаты. Артистка Малявкина, хоть и не читала наизусть роли и стихи великих поэтов, но языком всё равно окрепла, натруживая его, бедный, еженощно. Режиссёр-драматург блаженствовал, и протеже свою продвигал всё выше. Всё дальше и глубже. И в искусства мир, и в пульсирующий болью сфинктер.

Фрося, по настоятельному его совету, взяла себе псевдоним Эллада Станиславовна Вознесенская, что было, конечно же, разумно, ибо с её прежним именем перспектив в мире шоу-бизнеса не открывалось никаких. Снялась в нескольких картинах с лёгкой подачи своего заслуженного в прошлом любовника и так и пошла по верной, ведущей к успеху дорожке, работая своими силиконовыми припухлостями с каждым влиятельным, заслуженным и народным. В итоге Фрося добралась роли телеведущей различных ток-шоу и концертных программ и прочно там обосновалась. Её знал и любил простой народ, боготворили начинающие карьеру молодые и целеустремлённые. С телеэкранов она искромётно изливалась остроумием и метким сарказмом, предварительно заучив реплики дома, и вообще была в фаворе. Жизнь её удалась.

– Так, всем здрасти! – произнесла Эллада, войдя в студию, но перед этим жестоко хлопнула дверью с надписью «Тихо! Прямой эфир!» у молодого человека перед носом.

– Эллада Станиславовна, Эллада Станиславовна, – затараторил помощник режиссёра, бегая перед ней, как мелкая назойливая собачонка, – у нас изменения в эфире. Тут должен был быть Бабаярский, но...

– Я знаю, кто должен был быть! – нервно огрызнулась телеведущая, подставляя лицо под пушистую кисточку гримёрши.

– Но он не приехал, – торопливо продолжил помощник, высовываясь из-за гримёрши, как подглядывающий в женской бане, – и вместо него трое... вернее, двое. С холодильником!

– С чем? – Эллада раскрыла глаза так широко, как только могла. Впрочем, из-за натяжек на лице это было почти незаметно.

– Холодильник у них. Они с ним пришли.

– Кто они? Бизнесмены, что ли? Кто их поставил в эфир?

Помощник закатил глаза, объясняя, что приглашённых проангажировали на самом высоком уровне.

– Так... – задумалась телезвезда. – А о чём говорить с ними? – Она растерялась, абсолютно не чувствуя в себе сил вести передачу спонтанно.

– Вот, – затрепетал помощник, – вот вопросыки.

Эллада приняла из рук вертлявого молодого человека карточки. Тут над входом зажглась красная лампочка, означающая, что эфир вот-вот начнётся. Вознесенская посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась пластмассово и выскользнула в студию. Прожектора освещали просторный зал, где стояли диванчики для гостей, сверху горело табло, отсчитывающее время до начала передачи. Студия, как всегда, была полна людей, считающих за счастье быть участниками столь великого действия, как ток-шоу Эллады Вознесенской «Вечера с Элладой». Лица их сверкали счастьем. Сотнями глаз они, как бандерлоги, пожирали своего кумира в сиреновом костюмчике на высоких каблуках.

Эллада окинула аудиторию привычным, полным любви ко всякому зрителю, натренированным взглядом, нежно взяла в руки микрофон, который всегда напоминал ей нечто другое, а именно то, что ей обычно так же нежно приходилось брать в ручки и подносить к лицу, сидя на корточках возле своего заслуженного, и приблизила к пухлым, блестящим помадой губам.

Тут табло отсчитало положенные секунды, и в мониторах раздался голос режиссёра, требовательный и звонкий, как разбившееся блюдце.

– Внимание! Эфир!

На табло загорелась надпись «Аплодисменты», и под музыку, ставшую гимном для многих телезрителей, Эллада, улыбаясь, вышла под свет софитов. Зрители, как дрессированные пингины, загипнотизированно глядя на табло, хлопали руками, и Эллада, купаясь в этом плеске и получая почти сексуальное удовольствие, начала:

– Добрый день! Добрый день! Дорогие мои! – Рот её растянулся невероятно, будто она хотела вставить в него салатницу. – И снова с вами передача «Вечера с Элладой» и я, её ведущая – Эллада Вознесенская!

Зал взревел. Рукоплесканиям не было предела, казалось, сотни мамаш шлёпают нашкодивших младенцев по розовым попкам и никак не могут остановиться. Глаза аудитории горели, звучала музыка, и режиссёр в ухе Эллады через невидимый наушник давал ей последние указания. Тут табло померкло, и надпись сменилась словом «Тишина». Сразу всё оборвалось, будто в зале сидели не живые люди, а имитирующие их послушные механизмы.

– Итак, уважаемые телезрители и гости студии, мы снова вместе. За окном у нас лето, пора отпусков, и как никогда актуален вопрос, где провести свой отпуск с комфортом для души и пользой для здоровья. – Всё это она читала с экрана монитора, установленного возле камеры, в которую Эллада, игриво сверкая голубыми контактными линзами, произносила текст. – Именно об этом, дорогие мои, мы и будем сегодня говорить! А помогут нам в этом наши эксперты. Итак, встречайте...

Зал, послушный мигнувшему табло, заплодировал. Снова раздалась музыка, и Эллада продолжила, вглядываясь в карточку, полученную от помощника:

– Гости нашей студии... – Эллада читала текст залихватски, интригуяюще, не особенно задумываясь над смыслом написанного, что, впрочем, не было для неё в новинку, – бездельник и мечтатель, нигде не работающий, но несколько не жалеющий об этом, простой парень Василий!

Зал всплеснулся, и под бурные овации вышел угрюмый гражданин в красной кепочке с бутылкой пива в руках. Гражданин сел на диван.

– А также его ангел-хранитель, создание высших сфер, белокрылое дитя небес! – Под аплодисменты ангел вплыл в студию и, нежно улыбаясь, присел на диванчик слева от Василия. Его как будто окружал зыбкий светящийся ореол, но настолько неуловимый, что почти никто этого не заметил. – А также вечно следующий за ними, добрый и впечатлительный... – Эллада сделала паузу, в точности такую, какая была обозначена на карточке, – невероятный холодильник «Samsung»!

Под изумлённые аплодисменты публики в студию лениво протиснулся холодильник и прошёл, покачиваясь, к дивану, таща за собой, как хвост, шнур электросети. Он подошёл к дивану и, оттолкнувшись неведомо чем от пола, завалился на кожаную мягкую мебель.

Эллада заморгала часто-часто, как стробоскоп, глупо улыбнулась и уставилась на гостей, не зная, что делать дальше. В зале послышались перешёптывания и удивлённые смешки.

Эллада полистала карточки, но подсказок не обнаружила: все они были пустыми. Режиссёр в наушнике молчал, и Вознесенская, вдруг вспомнив, с чего обычно начинается встреча гостей, торжественно произнесла:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответил Василий. Ангел слегка поклонился, а холодильник, приоткрыв дверцу, приветственно мигнул лампочкой изнутри.

– Итак, пора отпусков, – Эллада взяла инициативу в свои руки, – а как вы, Василий, проводите отпуск? Я думаю, всем очень интересно будет это узнать. – Она повернулась к зрителям, которые непременно захлопали.

– Я люблю море, – чистосердечно признался Василий, глотнув пива и блаженно облокотившись на спинку мягкого кожаного дивана, вытянув скрещённые ноги.

– Да, море – это чудесно!.. – согласилась Эллада, вспомнив фразу из какой-то прошлой передачи. – А вы? – обратилась она к ангелу.

– Я пребываю в вечной неге и любви, – ответствовало белокрылое создание, – а потому не утруждаюсь, и отдыхать мне ни к чему. Всё, что я делаю, приносит благодать мне и моему Отцу-создателю.

Эллада кивнула и, повернувшись к холодильнику, открыла было пухлый рот, но тут из чрева бытового прибора донеслось гулко:

– Мне по душе стоять в тени, у розетки, и чтоб журчало внутри.

Вознесенская скривилась в пластмассовой улыбке и, обернувшись к камерам, нашла приятную перемену на экране монитора с подсказками: тот радостно мерцал вопросом.

– А скажите, пожалуйста, – прочитала Эллада, – до каких пор бездари и проходимцы будут довольствоваться незаслуженными благами, а те, кто по-настоящему достоин признания и любви, прозябать в бесславии?

Эллада, слегка выпятив нижнюю губу, состроила глубокомысленную гримасу, и у всех, кто сидел за экранами телеприёмников, и капли сомнения не возникло, что вопрос выстрадан, пережит и прочувствован ей самой глубоко.

– До тех пор, дорогая, пока всякие Фроси Малявкины, нелепые, глупые и амбициозные дуры, будут пудрить с экранов телевизоров мозги обществу, послушно хлопающему в ладоши

по сигналу сверкающего табло, – ответил Василий и утонул в новой волне бушующих аплодисментов.

Эллада Вознесенская, услышав своё почти забытое имя из уст гостя, удивилась и насторожилась, и если бы кто-то из зрителей был более внимательным, то, наверное, смог бы уловить сверкнувшую в её глазах искорку интеллекта, которая, впрочем, тут же погасла, поглощённая мерцанием монитора, озарившегося новым вопросом.

– Но что в связи с этим мы можем изменить? – прочла Эллада и улыбнулась, пытаясь осознать, куда запропастился режиссёр, и почему в программе фигурирует её тщательно скрываемое ото всех настоящее имя.

– Я полагаю, – включился в разговор задремавший было «Samsung», – мера должна быть радикальной и жёсткой.

Он встал так же неведомо, как и сел, и покатился по периметру студии, сияя в лучах софитов, как айсберг в мерцании северных звёзд. Подъехав к большому экрану, который с самого начала передачи однообразно показывал заставку ток-шоу «Вечера с Элладой», холодильник дотронулся до него, и экран на секунду померк, а затем включился, и все увидели на нём знакомый силуэт останкинской башни, что находилась напротив телецентра.

– Да, именно, – поддержал Василий, кивнув красным козырьком, – мы можем изменить на данном этапе только эту башню.

Эллада с интересом наблюдала за происходящим, рот её открылся сам собой, и микрофон, балансируя возле пухлых губ, теперь как никогда напоминал что-то непристойное.

– Приступим? – спросил ангел, вспорхнув с дивана, чем вызвал всеобщий синхронный шумный вздох. Он подлетел к экрану и, улыбаясь чисто и чудесно, завис над ним, слегка помахая крыльями...

Латунь

Утром Елисей дождался, пока все домашние уйдут. Только тогда он встал, приготовил себе омлет и съел его через силу вприкуску с сочным, похожим на карликовую тыкву, помидором. Заварив чаю, он сел и стал слушать, как течёт сломанный сливной бачок в уборной, и попытался, перебирая события последних дней в голове, словно колоду карт, прийти к какому-либо умозаключению, способному расставить по полочкам весь абсурд, происходящий с ним непосредственно и с окружающим миром в частности. События, и Елисей это признавал как очевидность, все до одного были из ряда вон, и в голове ничего не складывалось, а только гудело и перемешивалось хаотично.

«Сначала хвост, – думал Елисей, уставившись в одну точку, – потом крылья, потом крысы! Да что же это такое? Что всё это значит?»

Думать было тяжело, и он решил развеять себя просмотром какой-нибудь телепередачи.

Телевизор не работал. Точнее, сам телеприёмник послушно включился и замерцал, но замерцал чёрно-белыми помехами, которые жутко шумели и сильно давили на мозг, отравленный сивушными маслами.

Елисей пощёлкал пультом и убедился, что ни по одному каналу ничего не показывают. Он выключил бесполезное чудо технической мысли и решился довести задуманное вчера до конца. Во-первых, нужно посетить салон мага, которого блондинка Настя назвала полковником Фэбом, и узнать, в какую историю его втянули, во-вторых... ну, а что во-вторых, станет понятно из беседы с пресловутым хвостатым стариком.

Елисей оделся, взял сумку с крыльями и решительно вышел из квартиры.

Точного адреса Нистратов не помнил, но визуально узнал бы из сотни улиц ту, на которой находился салон, с посещения коего в его жизни началась чертовщина. Он отчётливо помнил, что салон находился где-то в районе станции метро «Белорусская».

Доехав до кольцевой, Елисей по подземному переходу перешёл на радиальную зелёную ветку и вышел на улицу. Прошёл под мостом и отправился тем же маршрутом, что несколько дней назад. Он двинулся по улице Грузинский вал, шагая отважно, как победитель по поверженной территории.

Миновав газетный киоск, Елисей, как и в первый раз, наткнулся взглядом на странный заголовок газеты, продающейся в палатке. Прочитав «шапку», Елисей поморщился, но, принюхавшись к московскому воздуху, и впрямь ощутил странный тошнотворный запах. Заголовок снова был бредовым, даже ещё более чем прошлый, про ограбление. Однако верить в столь нелепую публикацию Нистратов не осмелился.

Решив, что газетчики вконец сдурели и пишут чёрт знает что, он повернул за угол и, всматриваясь сосредоточенными щёлочками глаз в висящие повсюду вывески и рекламы, начал читать каждую. У одного из домов внимание его было вознаграждено, но не сполна. То есть он безошибочно узнал дверь с массивной ручкой, ведущую в тёмную комнату с портретом старца и черепом тридцатидевятилетнего строителя неудачника, но вывески, рекламирующей магический салон, не было, вместо неё висела небольшая табличка с надписью: ООО «ЛАТУНЬ»

Елисей остановился перед загадочной дверью в нерешительности.

«Может, я напутал чего?», – подумал он растерянно, но, оглядевшись, точно уверился, что пришёл именно туда, где с него снял сглаз хвостатый полковник.

С отвагой, достойной бойца, кидающегося грудью на вражеский танк, он схватился за ручку и потянул дверь на себя. Войдя, Елисей понял, что ошибся. Интерьер был абсолютно другим.

Во-первых, не было черепа. Вместо него из-за конторки высовывалась чернявая женская головка, которая смотрела на Елисея вопросительно и оценивающе, во-вторых, на стене вместо портрета старика в рясе висела полуголая девица, распутно поглядывая на Нистратова голубыми глазками, а вокруг неё по кругу плясали столбики календарных цифр, а в-третьих...

– Вы к шефу? – пискляво спросила женская головка.

– Я... я, пожалуй, оши...

– Пусть входит! – донесся из-за полуприоткрытой двери раскатистый бас. – Я его второй час жду!

– Проходите, – пискнула секретарша и, безразлично отвернувшись от посетителя, установилась в монитор компьютера.

Елисей, сам не понимая, зачем, послушно подошёл к двери и прочёл вывеску на ней, вздрогнув:

«Иван Афанасьевич Берг – Гендиректор»

«Берг??? Снова Берг! – закрутилось в голове Нистратова. – Как пёс с вокзала!»

Он аккуратно приоткрыл дверь кабинета и вошёл. Кабинет был пуст. Возле окна стоял громоздкий коричневый стол, на котором хаотически были разбросаны бумаги и папки. В пепельнице дымилась толстая сигара с красным кольцом. Но в кресле за столом никого не было, оно лишь слабо покачивалось, будто фанерный плакат на ветру.

Елисей осмотрелся по сторонам, обозревая типичные кабинетные стеллажи и натюрморты, часы и сувенирные фигурки на полках. Тут он услышал какое-то копошение и метнул взгляд на звук. Он увидел, как из-под стола медленно высовывается чёрная шапка волос, густая, как папаха Будённого, следом за ней вырастают два коричневых изумлённых глаза, продолжающиеся красным крупнокалиберным носом, посаженным на густые усы. Голова уставилась на Елисея и моргнула. Следом вылезли покатые плечи, короткие ручки и круглый живот, в котором могли бы преспокойно обитать как минимум три готовых вот-вот родиться младенца, принадлежи он дородной бабе на сносях. Но живот, судя по усам, принадлежал мужской особи. Вся эта конструкция села в кресло, деловито оглядела посетителя, шевеля густой растительностью, будто сказочный таракан, и откуда-то изнутри невероятного тела прогремел ехидный вопрос:

– Что ж вы, дорогой мой? Жду вас весь день!

– Меня? – опешил Елисей, в ушах которого загудело медным тазом.

– Вы во сколько должны были быть? – возмутился усатый толстяк.

– Э-э-э...

– Так вот, уважаемый, мне всё известно! – Усы замерли и ошетинились ежом в сторону Елисея.

«Что? Что ему известно?» – запаниковал Нистратов, попятившись к двери.

– Стоять! – грянул толстяк, будто по цистерне ударили молотом. – Вы три дня занимались чёрт те чем, хотя должны были ещё двадцатого представить полный отчёт!

Нистратов виновато опустил глаза в пол.

– Где? Где, я вас спрашиваю, шестнадцатидюймовые трубы?

Елисей встрепенулся.

– Где кирпич?

– Кирпич? Да при чём здесь... – Нистратов не успел закончить оправдательную речь, потому что толстяк вдруг неожиданно резво вскочил, задев животом стол, от чего тот жалобно проскрипел по полу.

– Вы, Сухоплизников, дармоед и сволочь! – рявкнул он, сверкнув глазами.

– Я не...

– Да ещё и вор к тому же! – Из-под усов импульсивно брызнуло.

– Я не Сухоплизников! – завизжал Елисей, понимая, что терпит оскорбления незаслуженно, а оттого крик его вышел убедительным крайне.

Толстяк опешил и заглох на полуслове.

– А кто же вы? – удивился усатый скандалист, округлив глаза.

– Нистратов! – завизжал раскрасневшийся Елисей.

Толстяк кинулся к вороху бумаг на столе и, судорожно перебирая листки короткими лапками, начал бормотать себе под нос что-то тревожно-рассеянное.

– Та-ак... – обрадовался он, выщипнув один из синей клеёнчатой папки, – вот он вы, голубчик! Так вы ещё хуже этого подлеца! – копошась глазами в бумажном документе, заключил толстяк.

– Кто? Я?

– Третий месяц не сдан объект! – тыча в Елисея листком, продолжал грозный усач. – Гидроизоляция списана! А куда? Где расходники?

– Вы извините... – начал Елисей, понимая, что снова попал в казус, вероятно, из-за того, что его приняли за человека с такой же фамилией.

– Извините? – взорвался усатый тиран и треснул по столу кулаком так, что карандаши и авторучки дружно подпрыгнули ввысь и брякнулись с дребезжанием обратно. – Я тебя, воровская ты рожа, под суд отдам! Это ж сколько змей я пригрел на груди? Каждый так и норовит себе чужое присовокупить! – Он испепеляюще прожёл Елисея колючими глазками, в которых плясало сумасшествие.

– Да не тот я! – закричал Нистратов, в бессилии бросив на пол сумку. – Не я это! Бешеный ты чёрт!

– Что? – удивился толстяк и снова уткнулся носом в бумагу. – Как не тот? Вот же написано: Кузьма Эльдарович Нистратов, прораб...

– Елисей я! Елисей! Ни-ка-но-ро-вич!.. Я совсем по другому вопросу!

– По другому? – Толстяк в момент скис, будто его окатили из ведра. – А по какому?

Елисей, дрожа губами, уставился на обидчика, и с минуту вспоминал, зачем он пришёл. Вдруг сознание его прояснилось, и Нистратов выпалил:

– Тут раньше салон был магический! Где он сейчас?

Толстяк непонимающе посмотрел на посетителя, в котором дважды признал своего работника, дважды при этом ошибившись. Покрутил кучерявой головой, будто башней подбитого танка, и ответил раздражённо:

– Никакого салона я не знаю. Где это тут он был?

– Да вот прямо здесь! – Елисей указал на пол.

Толстяк проследил за жестом посетителя, посмотрел на Нистратова, потом задумался минутно и, словно опомнившись, загудел пароходом:

– Зина! Ты кого ко мнепустила?

Из приёмной в кабинет примчалась секретарша Зина. Она проскочила мимо Нистратова, повернулась к нему и затрещала истерически:

– Вы по какому вопросу, товарищ? Вам чего нужно? – Она наступала, писклявая и решительная, а Елисей, подняв поспешно сумку, отступал. – Вам же сказано: приём по записи. Вы что, не видите, что человека от дел отвлекаете?

Елисей посмотрел на толстяка, но тот уже будто забыл о его присутствии: сидел в кресле и рылся в бумагах, дымя сигарой и бормоча что-то. Секретарша, похожая на мелкую надоедливую болонку, вытолкнула Нистратова из кабинета, закрыв за собой дверь, и, ни на минуту не прекращая верещать, указала на выход.

– Приходите в понедельник, Иван Афанасьевич очень занят, у него двадцать объектов! А вы все чуть что – к нему!

– Да не нужен мне ваш Иван Афанасьевич, – отмахнулся Елисей, – вы мне скажите, куда старик делся?

– Какой ещё старик?

– Полковник! Салон у него тут был, снятие порчи, гадание...

Чернявая секретарша посмотрела на Нистратова брезгливо.

– Что вы несёте? Какой салон? Это наш офис! Идите-ка, а то я милицию вызову!

Тут дамочка кинулась к конторке и схватила трубку, скосив угрожающе прищуренные глазки на нарушителя. Елисей понял, что задерживаться ему здесь больше не стоит, ещё, чего доброго, и впрямь вызовет патруль. Он развернулся и быстро покинул помещение, хлопнув дверью. На улице Нистратов ещё раз убедился, что на табличке над входом всё так же висит вывеска: ООО «ЛАТУНЬ», а снизу совсем мелко написано: «Строительный трест».

Нистратов, ничего не понимая, зашагал к метро. Теперь он ни в чём не был уверен: ни в том, что общался со стариком, ни в сражении собаки-оборотня с крысами, ни в том даже, что в сумке у него лежат два белоснежных крыла. Он нащупал в кармане треугольный ключ, достал его, повертел между пальцами, и решил, что положит конец этой странной истории, – съездит в Зеленоград к загадочной стеле!

Он поспешил к метро. Сев в вагон, Елисей закрыл глаза и задремал, слушая сквозь шум несущегося в тоннеле поезда обрывочные разговоры граждан. Но о чём говорили люди, он не понимал. Не желал понимать. В дремотном сознании вертелись обрывочные образы событий, слов, людей, но все они были размыты, нечётки, как кадры из разных кинолент, склеенные в один не имеющий смысла, безумный, парадоксальный фильм.

Зелёная ветка заканчивалась станцией «Речной вокзал», от которой, по словам Эль Хая, ему и надо было ехать. Он вышел на конечной и, спросив у какой-то торговщицы, как добраться до Зеленограда, сел в указанное маршрутное такси.

Нефть

Зрители, заворожённо открыв рты, смотрели на ангела, парящего свободно и легко над студийным монитором.

– Вот это шоу! – радостно крикнул кто-то, будучи абсолютно уверенным, что всё происходящее запланировано заранее, не без участия гениальной Эллады Вознесенской. Кто-то даже крикнул «Браво!» и хотел самостоятельно, без подсказки табло, захлопать в ладоши, но его энтузиазм погасили хмурые взгляды аудитории, вонзившиеся иглами со всех сторон.

Эллада стояла, разинув рот, не понимая, что ей, как ведущей, предпринимать. Она была звездой шоу и всегда фигурировала на первом плане, но сейчас всё внимание было отдано трём странным гостям, в особенности ангелу, и это Элладу, мягко говоря, выворачивало наизнанку.

Она повернулась к камере, намереваясь выпалить что-нибудь эдакое – что, правда, пока не придумала, но тут, к величайшему облегчению и радости, увидела подсказку на мерцающем стекле монитора. Камера наехала на Элладу, зажёлся красный глазок, означающий, что в эфире сейчас она, и телезвезда, сгенерировав натренированными связками таинственную интонацию, прочла в объектив следующее:

– Сейчас наши гости наглядно покажут всей стране, чем гипотетически занимается останкинская телебашня. – Эллада сделала паузу и, кокетливо прищурившись, интригующе произнесла: – Это будет последнее, что вы, дорогие зрители, сможете увидеть в своих телевизорах!

Камера уплыла влево, показывая висящего в воздухе ангела и снующий возле монитора холодильник. По монитору по-прежнему показывали возвышавшуюся телебашню – величественную постройку, освещённую лучами мощных прожекторов. Казалось, такой громадине всё нипочём.

Василий подошёл к Элладе и бесцеремонно отобрал у телезвезды микрофон.

– Граждане! – сказал он. – Вам выпала великая честь лицезреть историческое событие. Уверяю вас, это будет незабываемое зрелище!

Тут зрители увидели, что от основания башни в панике во все стороны разбегаются люди. Как клопы, они неслись, словно спасали свои жизни от преследующей их по пятам вулканической лавы.

– Вы видите, как сотрудники и простые посетители поспешно покидают самое высокое в Европе и второе по высоте в мире здание, – комментировал Василий серьёзным голосом, будто озвучивал научно-публицистическую киноленту. – Вскоре никого не останется внутри монументального сооружения. Останкинская башня, уникальная в своём роде конструкция, была построена в 1968 году, многие этого не знают, но только представьте себе – общая высота башни 1771,65 футов. Находясь на её вершине, вы автоматически становитесь на полкилометра ближе к небу! – Василий посмотрел на ангела, и тот утвердительно кивнул. – На её создание были затрачены огромные материальные и человеческие ресурсы. До сегодняшнего дня она исполняла роль транслятора телепрограмм и служила незаменимым средством одурманивания населения страны. С её помощью многие поколения россиян поглотили невероятное количество информации, абсолютно никчёмной и бесполезной. Многие бездарные артисты и шоумены получили всенародное признание и любовь. Индустриальные и пищевые корпорации, заполонив эфир рекламой своих низкосортных продуктов, нажили несметные капиталы, и масса политиков, интересы которых на самом деле античеловечны, приобрели крепкий электорат. Но теперь всё это закончится!

Лицо Василия просияло.

– Сегодня мы узнаем, – продолжал он, и интонация его голоса странным образом стала похожа на всем до боли известную манеру речи теледиктора Левитана, – в чём истинное предназначение этой башни!

Тут табло над аудиторией озарилось небывалым светом, и на нём засияла надпись: «БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ!!!»

Люди, словно одержимые, принялись рукоплескать, в их глазах сумасшедшим блеском сияло предчувствие великого действия. Даже Эллада, потеряв символ своей эфирной власти – микрофон, вместе со всеми захлопала в ладоши, затрепыхавшись, как мелкая рыбёшка, опьянённая кислородом, в предсмертных судорогах на опалённом солнцем берегу.

Свет прожекторов стал ярче втрое, и все увидели, как башня, будто сверло, завертелась стремительно и начала погружаться; вокруг разлетались ошмётки асфальта и грунт. Люди, сидящие в телецентре, находящемся совсем недалеко от башни, почувствовали, как дрожит здание от вибраций такой мощи.

Башня ввинчивалась всё глубже и глубже, пока наконец не остановилась, став вдвое меньше. Верхняя пика её сорвалась и отлетела куда-то ввысь ракетой, а из центра разрушенной громадины, сияя чёрным зловещим блеском, выстрелила мощная струя.

– Нефть!!! – крикнул кто-то в зале, и аплодисменты, и без того несмолкаемо-бурные, усилились многократно, так, что с потолка рухнуло несколько прожекторов.

– Это чудо! – кричал кто-то надрывно.

– Этого не может быть!!! – доносилось сквозь грохот сотен ладоней.

– Фантастика!

– Безумство!

– Экзистенциальность!

Из башни била и била, ни на секунду не теряя напора, мощнейшая струя, она рассыпалась в вышине на блестящие брызги, которые устремлялись к земле и заливали всё пространство вокруг. Вероятно, ливень, исторгаемый башней, достиг и телецентра, поскольку люди услышали, как где-то за стенами шумит обрушившаяся с неба река. Где-то разбилось стекло, и тут же студию наполнило жуткое зловоние.

– Господи! – крикнула какая-то тётка, зажимая носовые пазухи. – Да ведь это ж дерьмо!

Зал, разом перестав хлопать, принялся спасаться от нестерпимой вони, кто как мог. Люди срывались с мест и метались в панике, падая кубарем с импровизированных трибун. Кто-то визжал, кто-то плакал. Некоторые женщины принялись разбрызгивать вокруг себя имевшуюся у них парфюмерию в надежде заглушить невозможный запах, но он, словно огненное дыхание мифического дракона, пожирал ничтожные струйки и с новой силой внедрялся в помещение, пропитывая каждую деталь, каждый закуток.

– Вы правы, дорогие мои, – произнёс в микрофон Василий, который, казалось, воня совершенно не чувствовал, – это фекалии. Это наглядная демонстрация того, что вы с таким рвением и удовольствием ежедневно из года в год поглощали. Теперь, наконец, вы сможете во всей мере ощутить реальную суть так любимого вами информационного потока, транслируемого великой Останкинской телебашней.

В этот момент что-то огромное рухнуло с неба, и телецентр задрожал, словно студень на блюде. Экран, на котором обрубленная башня непрерывно исторгала из недр Москвы зловонную жижу, померк и зашипел помехами. Смело можно было утверждать, что в каждой квартире, в каждом доме, с телесигналом случилось то же самое. Он пропал. Те люди, кто в это время находился на улице, могли видеть, как с неба за секунду до прекращения телеэфира рухнула вернувшаяся на землю верхняя часть Останкинской телебашни, взмывшая вначале ракетой ввысь. Пока она парила где-то в плотных слоях, сигнал, не прекращаясь, транслировался, но с падением её всё завершилось.

Телевидения больше не существовало.

Эллада Вознесенская, словно прозрев после длительной болезни мозга, вдруг поняла, что произошло. Осознание пришло внезапно, в момент падения антенны. Она поняла, что карьера её, а значит, и жизнь, кончились, что теперь она никому не нужна, и что она больше

не дожётся подсказок с монитора. Что денег на очередную закачку силикона у неё не будет, что она немолода уже, глупа и бездушна.

Эллада заплакала, отчего контактные линзы набухли неприятно, и она, вытащив их, посмотрела блёклыми невыразительными глазками на мечущихся по студии людей, вдохнула зловонного смрада, вихрем врывающегося с улицы, и вдруг заметила, как три разрушивших её судьбу гостя растаяли в воздухе, будто в пустыне навеванный жаждой мираж.

Станным образом, совершенно необъяснимым, в тот самый момент, когда на землю рухнула антенна телебашни, во всех кинотеатрах страны прервался показ кинолент, зависли персональные компьютеры, с помощью которых в этот момент некоторые пользователи просматривали художественные фильмы. Этот процесс, как снежная лавина, захлестнул собой все, абсолютно все уголки державы, даже самые отдалённые, периферийные.

Стела

Маршрутка тряслась так, что, казалось, вот-вот развалится, разбросав пассажиров по дороге, как отслужившие ненужные детали. Елисей хотел немного вздремнуть, но ничего не вышло. Тряска была жуткой, от неё дрожали щёки, и совершенно не функционировал мозг, да к тому же две тётки впереди Нистратова затеяли спор о событиях, произошедших вчерашним вечером с Останкинской телебашней. Он, памятуя о газетном заголовке, прислушался.

– Говорю тебе, это олигархи над людьми измываются! – верещала одна, похожая на селёдку, одетую в двубортный пиджак и красную беретку. – Уже не знают, куда деньжищи девать!

– Дура вы, Маргарита Степан-на! – отвечала другая. – Зачем им такое надо?

– Затем, – упорствовала «селёдка», – Что им человека говном полить, что ребёнку конфетку скушать – радость!

– Ерунду вы говорите, Маргарита Степан-на, – мямлила вторая, морща длинный рыхлый нос, – такое даже олигархам не под силу! Это дьявол в мир пришёл. Вы того, что в кепке был, помните?

– Ну?

– Из-под кепки-то у него рога торчали! – выдала тётка с носом и посмотрела на всех пассажиров выжидающе.

– Не было никаких рогов у него, – включился в спор очкарик, сидящий напротив, – я его знаю, это актёришка второстепенный из «Таганки». Алкоголик известный, по всем ток-шоу шатается, бездарь!

Обе тётки уставились на очкарика, как на вдруг заговорившее полено.

– У коммунальщиков, – продолжал рассудительным тоном гражданин, обделённый остротой зрения, – крупная авария случилась, и вся канализация всплыла, естественно, а телевизионщики из этого шоу сделали.

– Ну конечно! – не поверила «селёдка». – А что ж тогда телевизор не работает?

– Так ведь затопило всё Останкино, – аргументировал очкарик, – кто ж будет в таком зловонии работать?

– А ангел-то как же, который летал?..

При этих словах Елисей вздрогнул и насторожился.

– Ой, умоляю вас, женщина, – взбрыкнулся очкарик, улыбнувшись резиново, – при нынешнем-то развитии кинопроизводства? Вы ещё, может, думаете, что холодильник был живым? – с надменной усмешкой спросил он.

Вторая тётка покраснела – то ли от жары, то ли от негодования, уставилась глазами куда-то в пространство, затуманилась зрачками и пророчески предрекла:

– Помяните моё слово! В конце лета Юпитер натолкнётся на Марс и все континенты Земные смоев в ледовитый океан! А людьми будут править строящиеся в лабораториях Пентагона роботы!

Все в маршрутке, кто слушал разговор, посмотрели на провидицу, кто со страхом, кто с жалостью, и в этот момент тряхнуло так, что каждого чуть не выкинуло из сидения.

– Вот! – вскричала тётка, вонзив палец в высь. – Истину говорю!

Спорщики, отвернувшись друг от друга, ехали дальше молча, изредка поглядывая на попутчиков, словно желая возобновить беседу, но, передумав, отворачивались обратно, нервно мельтеша глазами.

Елисей спросил у водителя, скоро ли будут у монумента, и получил удручающий ответ, что до самого монумента маршрутка не идёт, а заворачивает раньше, на первом посту ГИБДД.

Елисей, чувствуя, что снова всё против него, выругался страшно, но почти неслышно, и попросил высадить на повороте.

Он пошёл вдоль ленинградского шоссе пешком по пыльной обочине, повесив на плечо сумку с крыльями и тяжёлым чёрным кирпичом. Шёл долго, ему хотелось пить и есть, и ещё в голове вертелся жуткий газетный заголовок, тематика которого так живо обсуждалась в маршрутке. Елисей постарался припомнить, что было написано в газете. И, на удивление, вспомнил отчётливо и ясно. Было там написано вот что: «ОСТАНКИНСКАЯ ДЕРЬМОКАЧКА!»

Бывший центр телевидения и радиовещания вырабатывает до 30 тонн фекалий в час!!!

И фотография на первой полосе, запечатлевшая разрушенную башню, из центра которой бьёт в небо фонтан, очень похожий на нефтяной. Что всё это могло значить, Нистратов не знал, но чувствовал всей силой подсознания и включённой в процесс логикой, что события с башней переплетаются и с ним непосредственно, тем более что в словах тётки из маршрутного такси фигурировал (в который раз за эти дни) ангел.

Елисей теперь был абсолютно убеждён, что крылья, лежащие в его сумке – ангельские. Настоящие! Уже в тогда, дома, когда он увидел их впервые, смутная догадка об их истинном происхождении забрезжила в голове, теперь же он понял отчётливо: они натуральные, живые! Не какой-нибудь муляж или искусно созданное сумасшедшим таксидермистом произведение искусства, а нечто божественное, неподвластное пониманию человеческому.

Да ещё новости последних дней, где непременно кто-то видит ангелов.

Нистратов кивал сам себе – неспроста всё это!

В таких раздумьях он добрёл до стелы. Она, как и говорил Эль Хай, возвышалась на поросшем травой кургане и была воздвигнута в честь победы русского народа над фашизмом в ходе Великой Отечественной Войны. У подножия монумента располагалась гранитная плита с «вечным огнём» в центре, а на самой стеле выгравирована была непропорциональная пятиконечная звезда.

Из поросшего травой кургана, справа, торчала каменная гипертрофированная голова воина, и буквы, сплетающиеся в патристический текст. Читать его Нистратов не стал.

Напротив, через дорогу, Елисей увидел милицкий пост и спящих возле него двух упитанных гибддешников с палочками. Они походили на внимательных и хищных медведей, охотящихся у берега реки на крупного лосося. Гибддешники о чём-то энергично переговаривались, ловили добычу и получали на лапу барыш.

Было ещё светло, и Елисей здраво рассудил, что следует дожидаться сумерек, залезть на холм сзади, пробраться к каменному монументу и раскрыть тайну, воспользовавшись треугольным ключом. Справа от поста Елисей, к радости своей, обнаружил окошко «Макавто», в животе призывно заурчало, и он, дождавшись зелёного сигнала светофора, поспешил в американский котлетно-булочный храм.

Елисей заказал два гамбургера, чизбургер, картошку фри с сырным соусом, чай в пол – литровом пластмассовом стаканчике и пирожок с абрикосовым повидлом. Он сел за столик у окна и, жуя тонюсенькую котлету, зажатую между двух половинок мягкой булки, смотрел то на стелу, то на бороздящих ресторан работников. Работники состояли сплошь из молоденьких прыщавых девиц и таких же молоденьких и не менее прыщавых парней. Они, как клонированные адской машиной глобализации компоненты торгового организма, были одеты в одинаковые красные клетчатые рубашки и имели не выражающие эмоций лица, если не считать натянутых на них неискренних улыбок.

Работники постоянно перекикивались друг с другом специфическими терминами, обозначающими названия блюд ресторана, и носили эти блюда туда-сюда. Елисей вдруг задумался, почему во всём мире «Макдоналдс» является дешёвой забегаловкой для больных ожирением бедняков, а у нас позиционируется как ресторан для всей семьи?

Объективного ответа на вопрос он не нашёл, а ещё глубже увязнув в дебрях своих рассуждений, озадачился другим, более насущным вопросом: почему в «Макдоналдсе», если это ресторан, не продают пиво? Не говоря уже о других, ещё более необходимых организму взрослого мужчины напитках.

Он доел всё, что заказал, почувствовал, как разбух живот, посидел ещё немного, вздыхая, и вышел на улицу, где, закулив, с интересом принялся наблюдать за маленькими шустрыми воробьями, стаями атакующими столики с остатками нездоровой пищи. Темнело. Но темнело медленно и лениво, будто солнцу не хотелось расставаться с пригретым лучами миром. Елисей перешёл дорогу, заметив, как двух толстых постовых блюстителей дорожного порядка сменил один худощавый, не успевший вскормить своё тело американскими яствами в заведении по соседству, а может, не наловчившийся собирать с автолюбителей дань на покупку этих яств.

Елисей прошёлся вдоль холма, погулял у подножия леса, дожидаясь сумерек погуще, и, когда летящие непрерывным потоком машины все до одной включили фары, отважился залезть на курган.

Одолев высоту, Нистратов тенью подбежал к стеле. Широкое её основание полностью скрывало Елисея от проезжающих по шоссе авто и поста ГИБДД; он поставил сумку рядом и, чиркнув зажигалкой, осмотрел каменную поверхность, пытаясь найти отверстие, о котором говорил Эль Хай.

Искать пришлось недолго. Похожее на трещину, оно слабо подсвечивалось изнутри, будто вымазанное фосфором.

Елисей извлёк из кармана треугольный ключ, огляделся предусмотрительно и взволнованно, как вор при первой краже, вставил треугольник в трещину.

Он не успел вжать его до конца в серую шероховатую поверхность, как вдруг ощутил, что ключ мгновенно нагрелся, и стена втянула его сама, проглотив полностью, словно банкомат кредитную карту. Земля под ногами Елисея задрожала, и его обдало замогильным холодом. Прямо перед носом Нистратова бетонная стена беззвучно ушла вперёд, а затем вверх, и он увидел ступени, ведущие в глубину, где горел слабый зеленоватый свет.

Трилитр

Майор Загробулько сидел за столом, читая рапорт о происшествии в районе Останкино, имевший место 23-го числа месяца июля сего года, и чесал идеально выбритый складчатый затылок. Если бы у кого-нибудь была возможность посмотреть на майора сзади, то он с изумлением увидел бы, как перевёрнутую вверх дном обтянутую кожей трёхлитровую банку с торчащими бантиками ушей ритмично перебирают коротенькие, словно детские, пальчики. Голова майора Загробулько имела настолько сильное сходство с распространённой в домашнем консервировании стеклянной тарой, что многие сослуживцы называли его за глаза Трилитр. Частенько над ним подшучивали и издевались. То на юбилей дарили рыбку в трёхлитровой банке, то подбрасывали на стол прибор для закатывания крышек, то брошюру с рецептами по сохранению на зиму разносолов.

Майор про кличку свою знал, но сильно не обижался на коллег, потому как понимал страсть людей к унижению ближнего своего. Дело в том, что майор с самого раннего детства был подвержен различного рода обзывательствам и насмешкам, а всё потому, что звали его Вифлеем. Не Виталий, и не Валерий, и даже не Валериан, а именно Вифлеем.

С детского сада, пока череп его не сформировался в полноценный стеклянный сосуд, слышал он обидное «Вафля» или совсем уж жутко огорчительное «Вафлёр». Обидчиков Загробулько бил, но это не помогало.

Так прошли годы. Он вырос, вырос и его череп, привнеся необычной формой новое прозвище, и за это время Загробулько почти разучился обижаться, хотя на людях ничего не показывал, не допуская прилюдных унижительных сцен.

Полное его имя звучало так: Загробулько Вифлеем Агнесович. Но сам он представлялся всем не иначе как Вифа Агнесович и делал серьёзное выражение лица, будто вылепленного не очень трезвым скульптором на трёхлитровом каркасе. Так его все и называли официально, Вифа Агнесович – и начальство, и подчинённые. Неофициально, конечно же, Трилитр.

Почему родители нарекли сына именем города в Палестине, где рождён был Иисус Христос, они и сами не могли доходчиво объяснить. Может быть, случилось это оттого, что отец его, Агнесс Загробулько, сам имея имя, для мальчика весьма странное, решил продолжить традицию и назвать сына так же заковыристо. А может, потому, что матушка его женщиной была набожной и хотела таким образом приобщить сына к религиозному учению. Ничего у неё, правда, не вышло... Вифлеем Загробулько вырос далёким от религиозных проблем, в чудеса не веровал и церковь не посещал.

Итак, Вифа Агнесович Загробулько сидел и читал рапорт, и ровным счётом ничего не соображал. Нет, не то чтобы совсем ничего не соображал он своей трёхлитровой головой, но соображения его назвать логическим осмыслением произошедших событий никак было нельзя. Он ясно понимал из прочитанного, что в Москве имело место ужасное преступление, виновниками которого являются трое неизвестных. Из показаний очевидцев становилось ясно, что один из них – молодой человек, лет двадцати пяти, другой возраста неизвестного и имеет крылья, при помощи которых без затруднения осуществляет полёты, а третий вообще электробытовой прибор, именуемый холодильником. А совершили они совсем уж невообразимое. При помощи неизвестных технических средств они в считанные минуты переоборудовали Останкинскую телебашню в некое подобие нефтяной вышки, непрерывно исторгающей из недр земли фекалии.

Рапорт был похож на записки сумасшедшего, но Загробулько лично выезжал на место происшествия и видел своими глазами обрубок башни, торчащий из покорёженной земли, и зловонные реки, растекающиеся по пострадавшему району. Не признавать очевидных фактов

он не мог, а потому должен был действовать немедленно; со всей решительностью и в кратчайший срок задержать преступников.

Загробулько оторвался от бумаг и задумался. Он вспомнил, как сестра рассказывала ему, что своими глазами видела телешоу, ставшее последней транслируемой телепередачей, и наблюдала преступление от начала и до конца. У неё не возникло ни малейшего сомнения, что это – дело рук самого дьявола, а потому неженатому братцу она посоветовала не впутываться в заведомо провальное расследование и уехать на месяц в Крым, к родственникам. А ещё лучше – заняться не поисками мистических преступников, но поисками невесты.

Однако Загробулько в чертовщину не верил и пытался найти логическое объяснение случившемуся. Но никак не находил.

– Можно? – В кабинет протиснулся старший лейтенант Васильков.

Загробулько кивнул, не отрываясь от бумаг.

Иван Васильков, цветущий, как ландыш в поле, вошёл в кабинет и присел напротив капитана.

– Вифа Агнесович, – начал он жизнерадостно, – тут очень интересное дело получается.

Загробулько заинтересованно посмотрел на лейтенанта.

– Эти трое, похоже, те же фокусники, что банк обчистили возле выставки. Только что звонила их бухгалтер, Вера Анатольевна Стеклонская и показала, что видела налётчиков во вчерашнем телешоу...

– Да ты что? – насторожился Вифа Агнесович. – Это какого, выходит, числа было?

– Двадцатого.

– Так-так... А сколько взяли? – В голове у Загробулько вдруг начала вырисовываться зыбкая ещё, но с каждой секундой обретающая всё более чёткие очертания схема.

– Пять миллионов семьсот! – выпалил вечно подкованный, как отличник на экзамене, Васильков.

– Рубли?

– Никак нет. В долларовом эквиваленте.

– Купюры меченые?

– Никак нет, – радостно, словно был в личной жизни счастлив безмерно, отрапортовал старлей.

– Так, так. – Вифа Агнесович почесал трёхлитровый затылок и уставился задумчивым взглядом в видимую ему одну картину. И в открывшемся его сознанию видении он узрел, как злоумышленники, воспользовавшись серьёзными финансовыми средствами, похищенными из банка, а также совершенством технического прогресса современности, исхитрились как-то, да и переделали башню в извергающую фекалии бетонную аорту. Вот только, как? И главное, зачем?

– Ну что же, – заключил Вифа Агнесович, – кое-что проясняется. Фотороботы готовы?

Васильков расплылся в счастливом подтверждении.

– Объявим план «Перехват». Тебе лично, Иван, поручаю узнать, не велись ли в последние дни какие-либо ремонтные работы в самой башне. Кто заказчик, кто исполнитель? Всё разузнаешь, доложишь лично мне. – Загробулько откинулся на спинку стула. – Мы этих мистификаторов быстро на чистую воду выведем!

– А что, если... – начал вдохновенно Васильков.

– Да брось ты, – перебил фантазию старшего лейтенанта прагматичный майор, – чудес никаких на свете нет!

Для самого Загробулько чудеса в жизни закончились, когда он, девятилетним мальчуганом, обнаружил утром первого января самого настоящего Деда Мороза в сугробе возле дома. Сказочный старец был пьян. Пьян безбожно. С оторванной бородой и подбитым глазом, он лежал в подозрительно протаявшей жёлтым провалом ямке и поздравлял прохожих с праздни-

ком, используя весь спектр непечатного русского языка, выдавая такие оригинальные пассажи, что многие прохожие зачарованно останавливались и, сверкая горячими новогодними слезами, покатывались со смеху над снежным дедом. Сам же маленький Загробулько, не поимевший в новогоднюю ночь счастья общения со сказочным бородачом из-за скромного финансового положения родителей, но, как и любой ребёнок, мечтающий приобщиться к чуду, не выдержав, спросил:

– Дя-инь-ка, а вы и вправду Дед Мороз?

И получил убивший в нём навсегда веру в невероятное ответ:

– Я – Дед Едритьвсехкоз! Как же вы меня задолбали, дети, уроды! – И, заметив у любознательного ребёнка необычно формирующийся череп, добавил огорчительно: – Гребни отсюда, бидоноголовый!

Заплаканный Вифлеем помчался домой, и перестал верить не только в Деда Мороза, но и в любого другого сказочного персонажа, а заодно и в доброту человеческую. Может, поэтому он, выбирая профессию в жизни, не задумываясь особо, пошёл учиться в высшую школу милиции, чтобы иметь возможность лично бороться с поглотившим мир злом.

– Вы, товарищ майор, напрасно такой мысли не допускаете, – сопротивляясь, продолжил Васильков, – происшествие слишком уж загадочное, фантастическое, я бы сказал...

– На все чудеса существует своя цена! – веско заявил Загробулько. Он встал из-за стола и, подойдя к окну, раскрыл форточку. Комната наполнилась летним воздухом, в котором явственно ощущались канализационные примеси. – Ты фокусы Копперфильда видел? Он тоже летает, поезда у него пропадают бесследно, самолёты. И никто ведь не утверждает...

– Погодите-ка! – вскричал старший лейтенант, будто током ударенный. – Тут же на днях самолёт пропал!

– Да? А мы-то при чём? – удивился майор.

– Я в газете читал, что пассажиры перед исчезновением ангела видели!

Загробулько недоверчиво осмотрел подчинённого, промокнул платочком трёхлитровый затылок и строгим голосом изрёк:

– Старший лейтенант Васильков, я вас впредь прошу заниматься непосредственно служебными обязанностями и слухов суеверных не распространять. Уверяю вас, мы имеем дело с хорошо подготовленной бандой мошенников, пытающихся сбить следствие с толку, распыляя вокруг своих преступлений мистический туман! Уверен, что всё объяснимо с научной точки зрения. Вы меня поняли, старший лейтенант?

– Угу, – обиженно пробурчал погрузневший Васильков.

– По уставу отвечать! – взвизгнул растерзанный жарой и зловонием майор.

– Так точно! – Иван вытянулся, как на параде. – Разрешите идти?

– Идите! И вот ещё что, – остановил он открывшего дверь Василькова, – попробуйте связаться с каким-нибудь известным иллюзионистом. Нам не помешает консультация в связи со спецификой расследуемого инцидента.

– Есть! – Васильков захлопнул дверь.

«Молодой ещё, с гонором», – подумал Загробулько.

Он пошёл по кабинету кругом, как цирковой слон по арене, и всё пытался представить себе техническое устройство, которое способно в считанные минуты превратить Останкинскую телебашню в совершенно иную конструкцию, ввинтив её на треть в толщу земли. И ничего ему в голову путного не приходило. То представлялся Вифлеему Агнесовичу космической высоты кран, вертящий телебашню, словно сверло, то бригада подрывников в подземной шахте с расчётными схемами и фонариками на касках. Но эти версии он сразу отбрасывал, потому как требовали эти работы, имея они место в действительности, куда больше подготовительных процедур и времени, нежели было у преступников.

В какой-то миг Загробулько вдруг охватило чувство, что он и впрямь ввязался в дело, решить которое ему не под силу. Что отыскать он пытается не людей-злоумышленников, а самого дьявола, вылезшего из пекла позабавиться над смертными. Но, мужественно взяв себя в руки, майор отбросил эти страхи, залез в коричневый несгораемый шкаф и, налив на три пальца коньячка, выпил, закусив фисташковым семечком.

Курган

Елисей, глубоко вдохнув тёплого вечернего воздуха, шагнул вниз, на мелкие ступени. Сделав несколько шагов, он обернулся, и с ужасом увидел, как плита бесшумно закрывает от него проём, ведущий на волю; он рефлекторно дёрнулся обратно, но не успел и, чуть не споткнувшись, сумел рассмотреть отрезок темнеющего неба с бусинками начинающих прорисовываться звёзд. В голове пролетела каркающей вороной мысль, что он полный идиот, и что было непростительной глупостью взять и вот так наобум влезть чёрт знает в какую заварушку. Ему вдруг замерещились зловонные мертвецы в рваных, сыплющихся трухой одеждах, и кровавые глаза истосковавшихся по свежей человечине вурдалаков. А ещё Нистратов вспомнил отчего-то череп, что стоял в салоне мага, и подумал, что всё наврал старик про строителя, что это, скорее всего, такой же олух, как и он сам, попавшийся в круг обмана и мистификаций. Но было это с ним лишь секунду, тут же Нистратов взял себя в руки, собрался внутренне и аккуратно зашагал вниз.

Лестница изгибалась и уводила всё дальше и дальше, но увидеть, где её конец, не было никакой возможности. Елисей шёл и думал, что, наверное, давно миновал он высоту кургана и спускается теперь глубоко под землю. Зеленоватое свечение окутывало всё вокруг, но откуда оно лилось, одному богу было известно. Ни ламп, ни чего-то другого, могущего быть источником зелёных лучей, нигде не обнаруживалось. Казалось, сам воздух светится по неизвестной причине.

Откуда-то снизу тянуло прохладой, но не замогильной, не той, что казалась бы естественной для этого места. Ветерок был свежий, насыщенный еле уловимыми ароматами экзотических пряностей и плодов.

Наконец лестница кончилась, и Нистратов очутился в длинном коридоре. Он был не то чтобы узок, но не широк точно. Елисей Никанорович позвал негромко:

– Эй, кто-нибудь?

Подождал с минуту и не получив никакого ответа, он осторожно пошёл по коридору, рассматривая на стенах странные рисунки, похожие на фракталы. Нистратов готов был поклясться, что эти хитросплетения линий и цветов, фантастические брызги и повторяющиеся круги на стенах он уже видел. Где и когда, не знал, но чувство было столь неподдельным и будоражащим память, что Елисею стало не по себе.

Он шёл по изгибающейся кишке коридора и достиг наконец двери с табличкой «Собрание» и чёрно-белым китайским знаком «Инь – Ян». Открыв её, он попал в освещённый ярким дневным светом зал. Тут его бросило в жар.

Зал был не пуст. Было в нём множество разного вида существ. Одни сидели на скамейках, расставленных рядами, кто-то стоял у стен, кто-то парил под невысоким потолком. Когда Нистратов вошёл, несколько присутствующих повернулись в его сторону и оценивающе посмотрели на бледного посетителя. Среди них, например, был человек с птичьей головой, похоже, соколиной. Он как-то странно подмигнул Нистратову круглым чёрным глазом и ухмыльнулся совершенно по-человечески. Другое существо, сияющее ослепительным светом, увидев Нистратова, вдруг погасло и, словно испугавшись, моментально затерялось в толпе. Некоторые из обративших на него внимание были и самые что ни на есть настоящие космические пришельцы, подробно описанные жёлтой прессой и показанные фантастами – кинематографистами. Высокие, под два метра, с серой кожей и огромными таракаными глазами, они стояли в стороне и о чём-то перешёптывались, открывая полосочки-рты беззвучно, как аквариумные рыбки.

Впереди, за головами собравшихся, Нистратов увидел трибуну с таким же, что и на двери, чёрно-белым символом равенства, и президиум, состоящий наполовину из людей, а напо-

ловину не пойми из кого. Среди приличного вида граждан человеческой расы сидело розовое жирное мурло, похожее на кальмара, которое что-то объясняло усатому старичку и опасно поглядывало в зал вытаращенными жёлтыми глазами на шевелящихся стебельках. А слева, с краю, восседала натуральная обезьяна, в отделанной сияющими драгоценными камнями короне и важно морщила косматую рожу.

За трибуной стоял человек, совершенно лысый, в красном вызывающем пиджаке и, размахивая руками, горячо, с энтузиазмом вещал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.